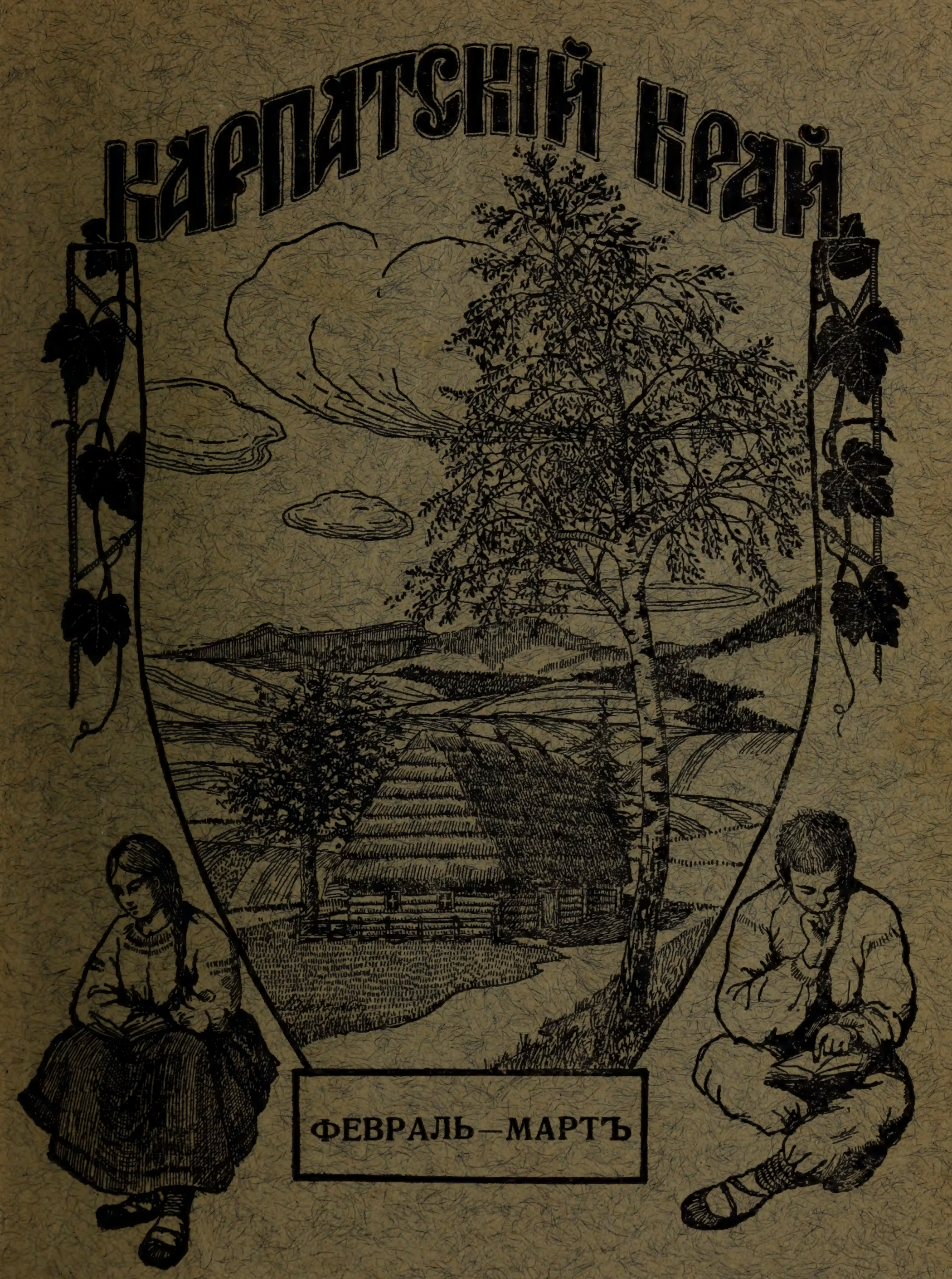

Типографія Школьной Помощи, Ужгородъ.

Содержаніе:

Шефъ-редакторъ архид. Евменій Сабовъ.

ВНИМАНІЕ!

Просимъ М. Г. подписчиковъ нашего журнала „Карпатскій Край" не вмѣнять намъ во зло, что выпустили опять двойной номеръ съ опозданіемъ. Сейчасъ техническія причины задержки въ печатаніи устранены и потому выпуски журнала будутъ впредь появляться правильно.

РЕДАКЦІЯ.

КАРПАТСКІЙ КРАЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ-ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ИЗДАЮЩІЙСЯ ОБЩЕСТВОМЪ ИМЕНИ А. В. ДУХНОВИЧА.

Адресъ редакціи: МУКАЧЕВО, ДУХНОВИЧЕВА УЛ. 94.

Годъ изданія II. ФЕВРАЛЬ—МАРТЪ 1924. № 5—6.

В. Р. Ваврикъ.

КНЯЗЬ КОРІЯТОВИЧЪ.

*Горы тѣ, изъ-за которыхъ
Солнце льетъ свои лучи,
Блещутъ въ расписныхъ узорахъ
Семирадужной парчи.*

*Ласково, въ затишьѣ елей
Ненаглядный Ужъ журчитъ,
И подъ вечеръ трель свирелей
Надъ вершинами звучитъ.*

*Въ ночь, когда по небу бродятъ
Блески сѣверной зари.
Изъ Карпатскихъ горъ выходятъ
Славные богатыри.*

*Тихо движется дружина
Съ Коріятомъ впереди,
Стала. Передъ ней равнина:
„Князь, куда теперь идти?*

*Дальше не пойдемъ! Виднѣе
Съ этихъ горныхъ береговъ
И безъ пользы и труднѣе
Будетъ съ нами бой враговъ.*

*Всѣ они съ стыдомъ досады
Въ разсыпную побѣгутъ;
Эти горы отъ заглады
Насъ на вѣки сберегутъ.*

Автобіографія Уріила Метеора (Ивана Сильвая).

(Продолженіе).

Исторія упоминаетъ о княженіи Өеодора Корятовича, и о томъ, что престолонаслѣдники Угорскихъ королей пользовались названіемъ „Dux Ruthenorum“. Упоминяется, что у королей русскіе были иногда царедворцами, тѣлохранителями и сторожами. Въ дворѣ знаменитаго князя Раковци они были придворными „Palotás“-ами. Все это является и исчезаетъ въ прошедшихъ вѣкахъ какъ свѣтлые призраки, а съ тѣхъ поръ кругозоръ сталъ все болѣе затмѣваться, прозябанія народа ограничилось церковною жизнію подъ руководеніемъ его Архи-іереевъ, которые сами за длинное время были принуждены отбиваться отъ напастей и несправедливыхъ притязаній Егерскихъ латинскихъ Архиепископовъ. Въ 50-ыхъ годахъ настоящаго столѣтія еще разъ проблеснуло свѣтлое имя Адольфа Ивановича Добрянскаго, потомъ снова становилось (стало) все тихо и мертво.

Дерево принуждено прозябать на томъ мѣстѣ, гдѣ пустило корни зароненное въ землю имъ сѣмя. Но если на томъ же мѣстѣ ростетъ больше разнородныхъ деревъ, корни болѣе сильнаго отнимаютъ питательный сокъ отъ слабшихъ. Изъ нихъ болѣе сильные вскорѣ возмужаютъ насчетъ слабшихъ, высоко поднимая къ верху, и расширяя по сторонамъ вѣнецъ своихъ вѣтвей надъ менѣе развитыми.

Они роскошествуютъ, потому, что имъ принадлежитъ сокъ жизни, теплота лучей солнечныхъ, роса, дождь, и всѣ остальныя условія развитія, насупротивъ — слабыя остаются въ постоянной тѣни.

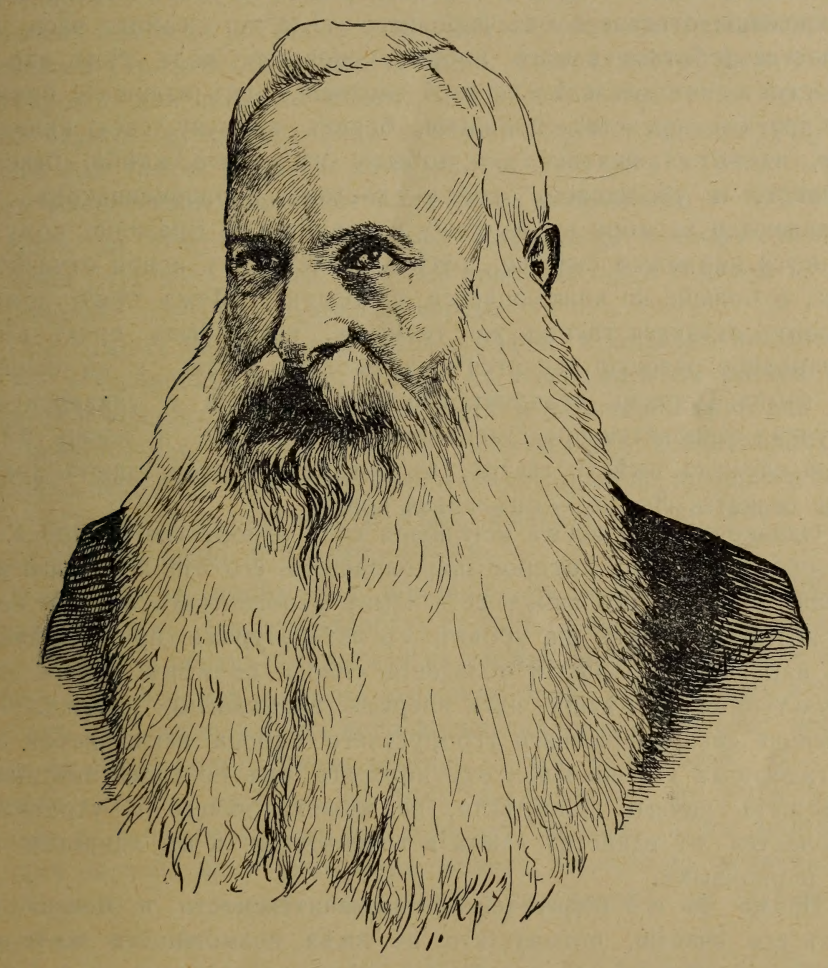
Бытъ угрорусскаго народа равняется быту деревца, прозябавшаго въ вѣковой тѣни, потому остался малъ ростомъ, худосоченъ, неразвитъ.

Къ тому, чтобы у извѣстнаго народа развилась и процвѣтала культура, благосостояніе, литература, требуются благопріятныя условія, а такихъ условій у угрорусскаго народа не было.

Извѣстно то обстоятельство, если кто нибудь принужденъ обходиться безъ свѣта за долгое время, не только отвыкнетъ отъ него, но глаза его ослабѣваютъ, для нихъ становится оскорбительнымъ, иногда даже совсѣмъ теряется видѣніе. Черезъ такій вѣковый процессъ прошелъ и угрорусскій народъ. Онъ будучи обреченъ къ пребыванію въ тѣни и темнотѣ, то совсѣмъ естественное дѣло, что у него не могла развиться литература, насупротивъ, то было бы единственнымъ въ мірѣ чудеснымъ явленіемъ, если бы у него при данныхъ условіяхъ она развилась. Завидна доля тѣхъ народовъ, у которыхъ молодыя поколѣнья могутъ образоваться въ среднихъ и высшихъ учебныхъ

заведеніяхъ на родномъ языкѣ, у насъ же языковѣдѣніе начинается въ сельскихъ школахъ букваремъ, и почти кончится букваремъ.

Всѣ тѣ изъ нашихъ людей, которые или въ прошедшемъ, или настоящемъ времени, отличилися знаніемъ своего родного языка, они пріобрѣли свое знаніе не въ школахъ, но собственнымъ прилежаніемъ,

УРІИЛЪ МЕТЕОРЪ (Иванъ А. Сильвай).
Портр. М. В. Рисовалъ Федорко.

Значитъ, они всѣ были самоучки, — самоучки въ похвальномъ значеніи слова.

Конечно нельзя назвать такую судьбу розовою, когда успѣянія и развитіе народа поставлено въ зависимость отъ числа самоучекъ. Посмотришь на живописныя, лѣсомъ покрытыя горы, и горныя поляны, на пересѣкаемыя рѣками и рѣчками долины, все это прекрасно и со-

ставляетъ источникъ дохода владѣльцамъ, только что этотъ владѣлецъ не народъ. Его имущество состоитъ изъ дробныхъ частицъ обезсиленной земли, скудное плодородіе которой едва награждаетъ трудъ ея дѣлателю, и не только не достаточна для прокормленія семействъ, но едва хватаетъ для покрытія непосильныхъ налоговъ. Пока мірская интеллигенція отпадаетъ отъ народнаго тѣла того самого часа, когда ей удастся добиться какого нибудь чиновства, подъ тѣмъ народный приростокъ изъ земледѣльческаго сословія, какъ излишнее бремя, не имѣя другихъ средствъ прожитія, беретъ въ руку свою нищенскую палку, идетъ на низовья для добытія насущнаго хлѣба, безслѣдно исчезаетъ, и убольшаетъ собою составъ иноплеменниковъ. Иныя отправляются за море въ Америку и новѣйше въ Бразилію, кому тамъ улыбнется немножко счастье, тотъ поселяется въ новой отчизнѣ навсегда, и больше не возвращается на родину. Межъ тѣмъ домашній горизонтъ остается такимъ же темнымъ, какъ былъ предъ вѣками, все народное развитіе сводится на церковную жизнь, а на существованіе языка. Церковь становится вмѣсто гимназій и университетовъ, самоучки становятся представителями литературы, а жизнь бѣднаго народа служитъ вмѣсто театра, въ которомъ преобладаютъ драматическіе сюжеты. Лучше, — онъ живая драма.

Однакожъ, при всемъ истощеніи силъ угрорусскаго народа, есть одно обстоятельство, которое предохраняетъ его отъ конечнаго исчезновенія. Именно, его языкъ есть языкъ исполинскаго народа, литература котораго стоитъ на уровнѣ съ литературами прочихъ культурныхъ народовъ Европы, и обладаетъ силою по мѣрѣ своего величія въ культурномъ успѣяніи идти впередъ громадными шагами. Итакъ жизненная сила крошечнаго угрорусскаго народа заключается не въ политическомъ его значеніи, отъ котораго онъ по своей ничтожности не можетъ ничего пріобрѣсти, не можетъ ничего и утратить, но заключается въ единствѣ языка и литературы, и въ единствѣ обрядовъ церковныхъ.

Прямо въ его политической незначительности и безсиліи есть залогъ его счастія, потому что не имѣя возможности жить самостоятельною жизнію, не подверженъ тѣмъ опасностямъ, которыя бываютъ послѣдствіемъ насильныхъ завоеваній.

Именно, не дается оспаривать непоколебимость того естественнаго основнаго закона, что: все завоеванное насиліемъ, можетъ быть отвоевано такимъ-же насиліемъ, но что пріобрѣтается вліяніемъ культуры, то пріорѣтается неотъемлемо на-вѣки. Въ отношеніи культуры, если великій народъ можно сравнить съ корнями и со стволомъ великаго дерева, одноплеменныя отрасли его на основаніи единства языка можно сравнить съ его вѣтвями.

Пока вѣтвь не отсѣкнется отъ ствола, дотолѣ живетъ жизнію дерева, но какъ составная часть цѣлаго не перестаетъ соблюдать присущія свойства цѣлаго.

Но все это можно полагать лишь въ отношеніи культурнаго вопроса, а впрочемъ обезсиленный, бѣдный, и ничтожный народъ можетъ современемъ исподволь уменьшиться до конечнаго исчезновенія. Настоящаго времени состояніе наше дается всего болѣе сравнить съ состояніемъ Герихонской розы, которой, если случится быть вырванной вѣтромъ изъ песчаной почвы, она уносится далѣе по произволу вѣтра, изсыхаетъ на видъ подъ лучами палящаго солнца, но въ ея природѣ еще таится жизнь, и лишь прикоснется она гдѣ-то на пути своемъ живительной воды, способна снова оживиться, и процвѣтать.

Вотъ та обстановка, которую слѣдовало предначертать для освѣщенія рисуемаго образа. Изъ ней проявляются и свѣтъ и оттѣнки, изъ которыхъ слагалися духовныя черты.

При самомъ началѣ моей автобіографіи, я долженъ сказать, насколько я недоволенъ собою. Дойдя къ тому предѣлу жизни, когда чувствуется упадокъ силъ, все старѣетъ и мельчаетъ кругомъ, ослабѣла первобытная воспріимчивость получаемыхъ впечатлѣній, подъ давленіемъ непріязни временъ одушевленіе истощилося, предпріимчивость въ путахъ, нерасположенность взяла верхъ, хочется какъ неразъ прежде бросить перо, и махнуть рукою.

Озираюся на пройденное поприще, на немъ не было простора для развитія силъ, вся дѣятельность должна была вращаться въ крайне узкихъ рамкахъ, давило безнадежье на успѣхъ, давила всеобщая апатія, давили обстоятельства, плодовъ оказалось очень немного, изъ надеждъ, которыми увлекалась иногда воспламененная юная фантазія, неоправдалось ни сотой доли. Жизнь прошла почти безполезно. Въ концѣ поприща осталось прійдти къ тому заключенію, что рыба можетъ становиться великою только въ великихъ водахъ, а въ маленькихъ потокахъ видишь одну ничтожную мелюгу. Только по великимъ водамъ возможно плаваніе кораблей, а на потокѣ не движется и ничтожный челнокъ.

Ужъ заслуживаетъ-ли малая рыбица, чтобы много заниматься ею? Или ничтожный потокъ, пока онъ не становится судоходною рѣкою?

Полагаемъ, что заслуживаетъ столько вниманія, сколько развитіе малолѣтняго ребенка. Не лишено возможности, что и малая рыбица въ большей водѣ могла бы вырости до соотвѣтной величины, и ровно и малые потоки протекаютъ не безъ пользы, потому, что вода потоковъ исходящая изъ недалекихъ источниковъ, отличается отъ воды

великихъ рѣкъ тѣмъ свойствомъ, что она болѣе свѣжа, и прозрачна, и изъ притоковъ малыхъ потоковъ увеличиваются воды рѣкъ, онѣ такимъ образомъ становятся судоходными.

Покамѣстъ намъ угрорусскимъ работникамъ еще долго придется пользоваться такими необходимыми сравненіями.

Говорится, что безъ борьбы нѣтъ жизни, а намъ приходится утверждать насупротивъ, что безъ жизни нѣтъ борьбы. Въ борьбѣ за существованіе, у кого есть къ ней отвага, конечно нѣтъ недостатка только некому бороться. Можетъ быть, представляется очень живописно теченіе потока, падающаго со скалы на скалу, съ порога на порогъ, встрѣчающаго въ теченіи своемъ повсюду препятствія, но гораздо лучше состояніе царственной рѣки, протекающей безпрепятственно и мирно въ глубокомъ вѣковомъ руслѣ своемъ.

Не требуется къ тому великаго геройства, чтобы исполинъ раздавилъ ногою преграждающаго ему дорогу мальчика, но необходимо обладать благороднымъ великодушіемъ, чтобы впуститься въ неравную борьбу съ болѣе сильными, ужъ хоть бы по принужденности изъ самозащиты. Что касается меня, мой міръ былъ далеко отъ честолюбія, еще далѣе отъ надежды на награду. Вся моя награда заключалась въ сознаніи честно исполненнаго долга, и въ признательности немногихъ искреннихъ друзей.

Для этихъ-то именно друзей, и по побужденію ихъ, рѣшился я начертать вконецъ настоящую скромную автобіографію. Цѣль ея не имѣетъ больше претензіи, какъ обычай нашихъ горцевъ, которые проходя чрезъ глухій лѣсъ, вырубаютъ своими топорами по деревамъ знаки, чтобы инымъ проходящимъ за ними было удобнѣе держаться направленія.

Я родился въ селѣ Сусково, въ Бережанскомъ комитатѣ, 1838-го года, числа 3—15, мѣсяца марта, отъ родителей: Антонія Сильвай, приходскаго священника, и Екатерины Легеза.

Что относится къ моему отцу, сколько разъ о немъ ни подумаю, его свѣтлый образъ съ теченіемъ времени представляется предо мною еще въ болѣе свѣтломъ озареніи. Тихое и мирное теченіе его жизни, въ натурѣ его душевная гармонія, равнялась зеркалу, въ которомъ отражается ведренное небо. Изъ многихъ прекрасныхъ его свойствъ какъ изъ составныхъ частей, сложилось у него благородство сердца, которое располагало людей ко сближенію съ нимъ. Не помню, чтобы кто нибудь враждебно относился къ нему, или не уважалъ его. Трезвость, простота, умѣренность во всемъ, чистота, благочестіе, смиренномудріе, чрезмѣрная скромность, безоблачность совѣсти, отсутствіе страстныхъ волненій составляли его главныя черты, которыя и отра-

жались на его обликѣ добродушнымъ веселіемъ, похожимъ на то выраженіе, которымъ отличаются лица дѣтей.

Онъ не былъ высокаго мнѣнія ни о своихъ дарованіяхъ, ни о своей учености, любилъ отдавать другимъ предпочтеніе надъ собою, въ собесѣдованіяхъ былъ молчаливъ и малословенъ, но въ такихъ случаяхъ, когда кто нибудь позволилъ себѣ задорно издѣваться надъ нимъ, за направленныя супротивъ него стрѣлы отплачивалъ хладнокровно и вѣжливо, но съ такою мѣткостью и остроуміемъ, которое по своей неожиданности у всѣхъ производило удивленіе, а задорникъ не отважился болѣе нападать на него. Подъ тѣмъ добродушная улыбка ни на минуту не сходила съ устъ его. Насколько зависѣло отъ него, любилъ избѣгать шумъ, и въ немъ преобладала наклонность къ уединенію, и созерцательной жизни. Досужее время проводилъ онъ въ чтеніи своихъ любимыхъ латинскихъ классиковъ, изъ которыхъ почти всѣ творенія Цицерона, Виргилія, Горація и Овидія зналъ наизусть. За поэтами наиболѣе одушевляла его музыка и пѣніе, найвыше оцѣнялъ онъ людей, отличавшихся въ этомъ отношеніи искуством, или дарованіемъ прекраснаго голоса; насупротивъ, которые не могли похвалиться ни однимъ изъ благородныхъ художествъ, тѣ стояли передъ нимъ на низкой степени уваженія, такихъ онъ считалъ простыми смертными, почти дикими невѣждами, неспособными для высокихъ наслажденій. Самъ онъ съ довольнымъ умѣньемъ игралъ на скрипкѣ и преимущественно на флейтѣ, но болѣе любилъ наслаждаться искусствомъ другихъ, чѣмъ своимъ искусствомъ доставлять другимъ наслажденіе. Въ хозяйствѣ онъ былъ трудолюбивъ и бережливъ, притомъ въ домѣ своемъ не терпѣлъ ни малѣйшаго безпорядка. Трезвость и умѣренность его у всѣхъ ставилася въ примѣръ, во всей жизни своей не пилъ онъ крѣпкихъ спиртныхъ напитковъ, трубку сталъ курить только подъ старость, вина не выпивалъ больше одного стакана, наибольше два, но и то рѣдко, только во время празднествъ. Надъ всѣми его прекрасными свойствами стояло благочестіе. Сама природа, но по личности его натуры, создала его для священства. Въ теченіе многолѣтняго своего служенія, такіе дни считалъ онъ несчастливыми, когда препятствуемъ недугомъ или неотложностью путешествія, не могъ окончить бож. литургію. Въ общемъ итогѣ его темпераментъ (отколи я помню) отражалъ успокоенность; невозмутимое безстрастіе къ теченію житейскихъ дѣлъ, благородную степенность, и преобладаніе сосредоточенной задумчивости. Натура моей матери отличалась отъ натуры моего отца. Въ сопоставленіи ихъ другъ возлѣ друга, натура отца равнялась тихой глубокой рѣкѣ, а натура матери походила на горную рѣку, текущую съ порога на порогъ. Пока въ отцѣ преобладали свойства успокоенности,

стыдливости, и сдержанности, она была веселая рѣзвая, смѣлая, бойкая и страстная женщина. Она какъ-бы нарочно создана природой для воспаленія отца. Работа горѣла подъ ея руками, а прислуга по ея распоряженіямъ исполняла свои должности какъ по писанному закону. Все то происходило не отъ тога, будто-бы она поступала съ нею строго, но ея личность отражала природное превосходство надъ прочими людьми, ея пріемы обладали силою, заставлявшею всѣхъ охотно покоряться ея волѣ. Находясь въ довѣренномъ кругѣ, она была словоохотливая, искренняя, сообщительная, притомъ всегда блистала своимъ необыкновеннымъ умомъ. Когда она находилась въ веселомъ расположеніи духа, было легко побудить ее къ разсказамъ, и она была несравнимая разсказчица. По своему дарованію слова, она и какой-нибудь простой исторійкѣ придавала обаяніе, изъ устъ ея все выходило прекрасно и интересно. Иный разъ въ обществѣ умѣла разсказывать анекдоты съ такимъ неподражаемымъ юморомъ, что слушатели заливалися слезами отъ смѣха. Нашъ семейный кружокъ заключался моими двумя сестрами: Маріей и Сусанной, насъ дѣтей всѣхъ было трое, между ними я былъ наймоложе. Я былъ еще очень малъ, когда сестры отданы для воспитанія въ городъ Сатмаръ, гдѣ въ то время воспитательный институтъ подъ руководеніемъ монахинь пользовался славою одного изъ первыхъ институтовъ всей страны. Въ отсутствіи сестеръ скоро отвезли и меня въ школу въ Унгваръ. Сестры, послѣ своего возвращенія изъ воспитательнаго института, незадолго вышли замужъ за священниковъ, итакъ наше одновременное пребываніе въ родительскомъ домѣ ограничилось только дѣтскимъ возрастомъ, и школьными праздниками, которыя приходилось мнѣ провести дома. Мати болѣе оказывала любви къ моимъ сестрамъ, а любимцемъ отца былъ я, какъ единственный сынъ, отъ котораго зависѣло сохраненіе родоваго корня.

Полагается, что на развитіе человѣка, сверхъ благоразумнаго воспитанія, имѣетъ вліяніе не только та среда, въ которой онъ подростаетъ, но и самое мѣсто, гдѣ онъ родился, и принималъ первыя впечатлѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, сверхъ того, что природа со всѣмъ своимъ великолѣпіемъ создана для человѣка, между ними существуетъ и внутренняя связь, потому что сердце человѣка есть воплощеніе всей природы въ миніатюрѣ, слѣдовательно по однородности съ нею жизни способно принимать впечатлѣнія всѣхъ красотъ ея, а тѣмъ болѣе впечатлѣнія того мѣста, гдѣ оно впервый разъ происходило къ сознанію своего бытія. Въ той внутренней связи коренится любовь къ матушкѣ родной землѣ, и на чужнинѣ въ такой мѣрѣ чувствуется непобѣдимая тоска по ней. Наши живописные Карпаты и на чужихъ людей производятъ

извѣстное впечатлѣніе, Какъ тянутся эти горы отъ Семиградья кругомъ вплоть до малыхъ Татръ, и далѣе къ Пресбургу, повсюду представляются онѣ въ очаровательномъ разнообразіи.

Съ открытіемъ пересѣкаемыхъ большими или меньшими рѣками долинъ, открываются новые виды и доставляютъ зрителю новое наслажденіе. Если природа низовья по теченію рѣкъ одарила плодородіемъ, въ отношеніи къ горцамъ поступила она такъ, что для нихъ съ полною расточительностію явила свои красоты. Уроженецъ горъ, когда онъ находится на необозримой равнинѣ, видя надъ собой круглый сводъ неба, чувствуетъ грудь свою придавленною, но становится свободнымъ его дыханіе, когда онъ идя по долинѣ, открывающейся межъ родными горами, воздвигаетъ взоръ свой къ небу, а сводъ неба надъ нимъ такъ высоко, словно станетъ онъ чувствовать, что онъ изъ низкаго предверья вступаетъ въ настоящій храмъ Создателя. Безсомнѣнно, пальму первенства нельзя отдать одной или другой части нашихъ горъ, или одной открывающейся между ними извѣстной долинѣ, потому что разнообразіе видовъ такъ относится другъ къ другу, какъ составныя части одного великолѣпнаго зданія. Но что касается моего личнаго увлеченія, я надо всѣми отдаю предпочтеніе окрестности Мукачева, и открывающейся вверхъ по теченію рѣки Латорицы долинѣ, гдѣ находится мое родное сельцо — Сусково.

Пространство Мадьярской равнины оканчивается при самомъ Мукачевѣ, вблизи будто на стражѣ равнины, на отдѣльной возвышенной круглой горѣ красуется крѣпость, а на другой сторонѣ надъ рѣкою Латорицею Василіянскій монастырь, между ними самое мѣстечко. Оттуда начинается ландшафтъ горъ, которыя на востокѣ увѣнчиваетъ Свалявскія Альпы, изъ-за вершинъ которыхъ обычно восходитъ солнце, и совершивъ свое теченіе заходитъ за Мукачевомъ. Вверхъ по теченію рѣки начинаетъ съуживаться равнина, по которой проведена къ Галиціи желѣзная дорога. Пройдя отъ Мукачева 19 километровъ черезъ села: Подгоряны и Чинадѣево, вблизи Сускова и смежной Пасѣки почти совсѣмъ исчезаетъ равнина, между двумя селами давая проходъ только рѣкѣ Латорицѣ. Оба села надъ рѣкою, другъ супротивъ друга, имѣютъ такой видъ, будто бы они стояли тамъ сторожами зеленыхъ горъ, на которыхъ отовсюду внизъ къ Мукачеву является уже дубовый лѣсъ, а вверхъ отъ Свалявской небольшой равнины, по развѣтвленію долинъ, образованыхъ притоками впадающихъ въ Латорицу рѣчекъ — Свалявки, Пени и Вичи, — начинается богатая своими минеральными кислыми водами — а убогая плодородіемъ хлѣба — страна. Тѣхъ минеральныхъ родниковъ до того много, что ихъ встрѣчаешь по краямъ и окопамъ дороги, подъ пригорками, или гдѣ попадется, — и благо утружденному путешественнику освѣжиться ими.

Сусковскія горы не только живописны по своимъ образованіямъ, но и полезны по своему составу. Одна гора на Пасѣцкой сторонѣ вся состоитъ изъ извѣстковаго камня, другая насупротивъ ней содержитъ въ нѣдрѣ своемъ богатыя залежи желѣзной руды. Вблизи самаго села открыта каменоломня съ превосходнымъ камнемъ, способнымъ для отесыванія крестовъ, памятниковъ, столбовъ и проч. Почва на равнинѣ довольно плодородна, она при условіи удобренія способна для посѣва всякаго хлѣба, но мѣстные жители сѣютъ преимущественно кукурузу и рожь; посѣвъ пшеницы потому невозможенъ, что она во время созрѣванія уничтожается воробьями, которыхъ здѣсь многое множество. Климатическія условія благопріятны и для фруктовыхъ деревъ, весною во время расцвѣтанія вся долина представляется въ видѣ цвѣточной корзины. Полагается, что можно бы разводитя и виноградную лозу, по крайней мѣрѣ по садамъ. Къ отмѣннымъ особенностямъ мѣстности Сускова принадлежитъ то, что нигдѣ не встрѣтишь такого сборища пѣвчихъ птицъ, какъ здѣсь. Весною, съ оживленіемъ природы, оживляются рощицы и станутъ оглашаться такимъ соперничаньемъ дроздовъ, косовъ, иволгъ, кукушекъ, жаворонковъ, горлицъ, дикихъ голубей и другихъ птицъ, о какомъ житель равнинъ не можетъ имѣть и понятія. Съ началомъ мѣсяца мая, въ ивнякѣ возлѣ Латорицы станетъ оглашаться окрестность отъ пѣснопѣній соловьевъ, оживляя несравненной поэзіей ночи и приводя къ упоенію самую природу. Безсомнѣнно, пернатые пѣвцы рощей имѣютъ то назначеніе въ природѣ, что ы жизнь человѣка сдѣлать пріятною, довольно ихъ присутствія, чтобы мѣсто становилося веселѣе надъ другими, а если на томъ мѣстѣ и сама природа представляется въ живописной обстановкѣ, дѣйствіе въ совокупности непремѣнно должно отразиться и на жизни жителей. Не подлежитъ сомнѣнію, что горецъ подъ вліяніемъ его пышной обстановки, много располагается къ мечтательности. Въ его воспламененномъ воображеніи за горами, за лѣсами, за полями, за озлащенными разноцвѣтными облаками, надъ звѣзднымъ небомъ, за краями неба, гдѣ солнце восходитъ и заходитъ, въ таинственности ночи, въ невидалыхъ волшебныхъ странахъ, въ шумѣ лѣсовъ, въ клокотѣ рѣкъ, въ тишинѣ кладбищъ и во всемъ прочемъ, создаются новые сказочные міры, полные волшебныхъ чаръ, гдѣ происходитъ жизнь, разинствующая своими чудесами отъ настоящей жизни. Являются сказки, былины, повѣрья о похожденіяхъ, подвигахъ и удали витязей, одаренныхъ сверхъестественною силою, о царяхъ и царицахъ, о царевичахъ и царевнахъ, о людяхъ съ свойствомъ повсемѣстнаго присутствія, всепроницательностью ума, всевидѣніемъ взора, объ исполинахъ, о разбойникахъ, о колдунахъ, вѣдьмахъ, чаровникахъ, о сонтравѣ, о всеотверзающихъ ключахъ, о разныхъ волшебныхъ средствахъ, о лѣшихъ, домовыхъ, потопленныхъ, упыряхъ, чернокнижникахъ, добрыхъ покровителяхъ и злыхъ врагахъ людей.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Минеральныя воды и лѣчебныя ванны, соль и горный воскъ, сталактиты и гейзеръ въ Марамороши въ XVI в.

Описаніе современника — очевидца.

Въ 1558 г. ввозвращалось русское посольство царя Ивана Васильевича Грознаго изъ Константинополя въ Москву. Посольство или часть его проѣхала черезъ Марамарошъ. Отрывокъ доклада одного изъ его членовъ сохранился въ нѣсколькихъ рукописяхъ въ Россіи. Сообщаемъ текстъ въ оригиналѣ, полагая, что языкъ Московской Руси XVI в. не будетъ непонятенъ и карпаторуссу XX в.

Въ угорской земли, въ державѣ (= панствѣ) пана Фусскаго (= Густскаго), имя ему Явалъ, въ волости (= столицѣ, вармеди) Мараморишѣ, у мѣста (= города) Сигота, въ горахъ полонинныхъ на рѣкѣ Услѣ (притокъ р. Угли, впадающей въ Тереблю), межъ тѣхъ большихъ рѣкъ и горъ стоитъ монастырь зовомый *Зановъ* (= у гольскій). А въ немъ церковь Вознесеніе Господне, а братій въ немъ 330, а пашня у нихъ лѣшая (= лѣсная, въ лѣсахъ), сѣютъ просо на кашу, потому что у нихъ поль (= полей) нѣтъ, живутъ въ горахъ, а держатъ у себя овецъ по 1000 и болѣе; тѣмъ они питаются, ядятъ отъ нихъ сыры и млеко.

Да въ томъ же монастырѣ есть кладязь (= криница), а въ немъ вода сладка, что грушевой квасъ (напитокъ) подсыченъ (= разбавленъ *сытой* — медовымъ растворомъ); и тотъ квасъ вся братія піютъ, а опричь (= кромѣ) того иныхъ квасовъ не піютъ и не держатъ, и гости тотъ же квасъ піютъ. А вода въ немъ (въ криницѣ) бѣла, а течетъ отъ кладезя таже вода недалеко, а садится какъ кисель, и червлено.

Да есть иные кладези близко того же монастыря, ино (= айно) вода въ тѣхъ, какъ уксусъ (= оцетъ), а иные, какъ кислые щи (= кислый квасъ).

Да близко того же монастыря въ горѣ соль копаютъ въ земли и копаютъ еѣ пѣшнями (желѣзный ломъ), какъ ледъ. А въ другой горѣ близко того же монастыря копаютъ воскъ и колютъ пѣшнями же, а воскъ тотъ сѣръ. И ту соль и воскъ возятъ на двухъ возахъ по городамъ и мѣняютъ на пшеницу. А ту соль и воскъ даетъ имъ Фусской панъ на Богомоліе, а тотъ панъ Угричъ (мадьяръ) вѣры латинскія.

Да близко того же монастыря есть камень великій, какъ дуга и есть на перестрѣлъ (какъ бы прострѣленъ), а подходъ подъ него, какъ подъ городовые врата, концемъ лежитъ на мѣстѣ, а другимъ концемъ на другомъ мѣстѣ. А висятъ изъ него человѣческія титьки (= сосцы) и всякого скота, а изъ нихъ каплетъ, какъ млеко; и даютъ

когда всякому скоту ино млека много воздоятъ; а изъ которые титьки каплетъ, ино тому скоту и даютъ. А на верху того камени ростетъ кедръ, бучь (= букъ) и ворграсъ и иное древіе.

Да отъ того же камени, какъ мочно человѣку каменемъ бросить, и ту есть близко пропасть саженей четырехъ, а поперекъ, какъ погребное (= пивничное) устіе. И въ эту пропасть мечутъ великіе древія и каменіе, ино тамо долгое время идетъ гремяче, покамѣсть и слухъ человѣчь имѣетъ. Да какъ часъ помолчавъ, да опеть выкинетъ вонъ, все изломаетъ древіе и каменіе.

Да близко того же монастыря есть поточецъ, а въ немъ садится сѣра горящая.

Да въ тѣхъ же горахъ за 5 миль отъ монастыря того вода изъ горъ каменныхъ течетъ ово горяча, какъ мочно яйце сварити, а иные (т. е. источники) теплы, а иные студены. И на тѣ воды многіе люди приходятъ больные и всякими недуги одержими и кладутся въ тѣ воды, и всѣмъ приходящимъ бываетъ здравіе и исцѣленіе".

Такое живое и óбразное описаніе могло быть дано только очевидцемъ. Кое-что въ немъ требуетъ поясненія.

Камень, источающій молоко, очевидно, обломокъ известковой (вапенной) скалы. Вода, просачиваясь сквозь пласты известяка, растворяла известь и копала въ видѣ бѣловатой житдкости, которая, осаждаясь, образовывала сталактиты (= сосульки), часто бывающіе причудливой, именно конусообразной формы. Народная фантазія легко могла ихъ уподобить сосцамъ человѣческимъ и животныхъ. Повѣрье же, что такая въ родѣ молока жидкость увеличиваетъ у людей и животныхъ количество выдѣляемаго молока, обычно у многихъ народовъ (ср. сербск. пѣсню = Зиданье скадра). Это народное средство признано и научной медициной, прописывающей кормящимъ грудью известковый растворъ.

Пропасть, поглощающая деревья и камни и потомъ извергающія ихъ раздробленными, была, конечно, наполнена водой, уровень которой періодически повышался и понижался — это былъ перемежающійся *гейзеръ*.

Особый интересъ, не только историческій, но и *современный практическій* имѣютъ свѣдѣнія о минеральныхъ богатствахъ околья с. Угли.

Известковый камень и гейзеръ могли современемъ исчезнуть. Разнообразнаго состава горячіе, теплые и холодные цѣлебные источники могли быть заброшены и засыпаны. Буреніе (просверливаніе) можетъ ихъ снова *найти и возобновить ихъ эксплуатацію*.

Любопытно, что прошлымъ лѣтомъ одинъ мѣстный обыватель сообщилъ намъ, что близъ Угли и нынѣ видны вытесенныя въ скалѣ ванны.

Залежи каменной соли и горнаго воску (озокерита) не могли быть при примитивномъ способѣ добычи исчерпаны. Ихъ просто забросили и позабыли. Въ мадьярской литературѣ о нихъ совсѣмъ не упоминается. Техническія разысканія окрестностей бывшаго Заневскаго монастыря могутъ ихъ *вновь найти*. Тогда мѣстное населеніе получило бы *заработокъ*, а *Подкарпатская Русь и вообще Чешскословенская республика новый источникъ дохода*.

Прага, 8/III.—1924. Проф. **А. Петровъ.**

Уріилъ Метеоръ
(И. Сильвай).

Надъ спящимъ малюткою.

Спи дитя!.. ты мнѣ дороже,
Чтобъ я исповѣсти могъ,
Твой сладчайшій сонъ и ложе
Да благословитъ и Богъ.

Жизнь да будетъ предъ тобою
Яснымъ небомъ, солнышкомъ,
Иль улыбкой, иль весною,
Нарочитымъ праздникомъ.

И вѣнцемъ да будетъ славы
Предъ тобой народъ Карпатъ,
Твой же — подвигъ величавый
Иль побѣдоносный падъ.

Чтобъ къ потомку отзывъ силы
Грознымъ шелъ апостоломъ,
Голосомъ прорекъ могилы:
„Будешь ли ты вѣроломъ?“

Иль твою (не дай Богъ) руку
Положивъ на пульсъ вѣка,
Возьмешь отъ него науку:
Что правдиво жизнь горька?

И съ улыбкою невинной
Какъ тебя вѣкъ научалъ:
Станешь гнути спину чинно
Бывъ безъ сердца, безъ началъ?

Ласкою вельможъ, народа —
Если нѣсколько подлѣзъ,
Знати возгоритъ утроба
Денегъ... нѣтъ! копейки вѣсъ,

А когда ужъ нашъ сынъ орлій
Дверь чиновства отоперъ,
Не узнаешь: жидъ-ли? чортъ-ли?
Но навѣрно живодеръ.

И потомъ цѣль возьметъ–образъ
Звонкихъ шпоръ и грозныхъ усъ,
И изъ русскаго-то тотчасъ
Становится Бендегузъ.

Къ имени прибавитъ слѣпо
Ипсилонъ иль „ффу“ теперь,
Какъ значекъ дворянства, это
Отверзаетъ славы дверь.

И печать, да гербъ готовитъ
Больного народа врагъ;
Что же онъ на гербъ выстроитъ?
Ну,.. ощипокъ иль богачъ.

И для явнаго примѣра
Божествамъ кадитъ чужимъ,
Для него ужъ русска вѣра
Русскій Богъ непостижимъ.

Спи дитя... спи сынъ мой милый,
Ахъ, въ тебѣ сердечна кровь
Не такой кружится силой,
Духъ твой нё такихъ основъ;

Ты не будешь, нѣтъ безъ сердца,
Посмотришь на жизнь теплѣй:
Узришь вслѣдъ, за чѣмъ міръ
Окомъ добродѣтелей; [прется,

Но и разомъ предъ тобою
Не явится жизнь другомъ,
Ни улыбкой, ни весною,
Нарочитымъ праздникомъ.

Все что гнусно предъ тобою
Станетъ на твоемъ пути —
Смѣхъ, презрѣнье съ нищетою
Вмѣстѣ за тобой идти.

Нечего! дай лучше Боже,
Если-жъ нѣтъ судьбы другой:
Выпьешь чашу,.. ну, и что же?
Плюнешь, да махнешь рукой.

Спи, не бойся! будь Богъ съ нами,
Ктобъ-тебѣ вредити могъ?
Русска нива подъ ногами,
Надъ тобою Русскій Богъ.

Воспоминанія подкарпатскихъ прапрадѣдовъ.

Споминки давнихъ часовъ своихъ премилыхъ батьковъ.

Кличъ: „Свобода, равноправность, братство“ возбудили русина отъ глубокаго сна и онъ въ революцію 1848—1849 тода *бился за свободу въ рядахъ мадьярскихъ противъ нѣмца.* Сербы и румыны не поддалися сему настроенію, но русинъ не могъ не участвовати въ борьбѣ противъ нѣмца, угнетавшаго его черезъ вѣка, а особенно отъ XVII. вѣка. Терема ужгородской крѣпости отзывалися кличами свободы 1848 года, и подъ незнакомыми могилами почиваютъ честны останки безъименныхъ героевъ нашихъ, жертвовавшихъ жизнью; память ихъ въ родъ и родъ..! Да, мы воспоминаемъ 1848—1849 годъ: того года обновилися воспоминанія 1703—1711 годовъ; якъ того же года ожили воспоминки возстанія при Петрѣ Петровичѣ (жупанъ ужгородскій) XIV. вѣка, которое выбухло по воспоминаніямъ прежнихъ вѣковъ.

Воспоминанія были *политичнаго и религіознаго* характера. Они жили въ памяти русиновъ изъ рода въ родъ. Это не сказки небылицы, а сказанія, имѣющія историчное основаніе. Бывало, часть *русскаго населенія была свободна отъ панскихъ податей,* и не были крѣпостными (кметы). Напр. о *Бережанской Крайнѣ*[1]) сохранилися и документы.

Съ года 1378-го Елисавета, мати царя Людовика Великаго, подтверждаетъ льготы и вольности жителей Крайнянскихъ. Обновляется

[1]) Жатковичъ: „Воеводство Крайнянское“. Календарь „Просвѣты“ 1922 р. 125. A. Bonkaló: Die Ungarlaegeschen Ruthenen. Berlin 1921 — 227.

подтвержденіе вольности ихъ и въ годахъ 1446, 1491, 1516, 1523; и жители Крайны *правотилися за свою вольность*, и по крѣпостному закону царицы Маріи Терезіи, даже до 1848 года. „Бережска крайня“ лежитъ у подошвы Карпатъ, жители ея **Нижняне** (бляхи), (мадьярская исторія не годна постановити, когда они переселилися на внутреннюю границу — такъ названнаго: indagines-szenzlinic-gyepülve. Hundernisse?) которыхъ А. Бонкало называетъ „die altesten kolonisten“.

Ю. Жатковичъ постановилъ, что у жителей „Бережанской Крайни“ былъ свой *воевода*, котораго ежегодно выбирали „kenéz“-и (князь) и старшина громады, а кастеллянъ мукачевской крѣпости подтвердилъ. Воевода судилъ въ военныхъ дѣлахъ вмѣстѣ съ kenéz-ами; въ меньшихъ справкахъ судилъ „kenéz“. „Jus gladii“ каштелляну, нему относилася и аппеляція противъ суда воеводы. Урядъ, „kenéz“-а былъ досмертный, переходилъ на его сына. Село платило для крѣпости ежегодно шесть овецъ и бузокъ сыра, и не исполняло никакой работы для крѣпости. Померъ кто изъ жителей безъ потомковъ: имѣніе его переходило на громаду, которая свободно могла приняти и панскихъ кметовъ, что вообще угорскій крѣпостный законъ строго и подъ карою запрещалъ. Подобны документы сохранилися и въ другихъ селахъ, а исторія вспоминаетъ и о „*Земплинской Крайнѣ*“.

Что подобныя вольности существовали инуды, можно заключити изъ того, что Подкарпатье теченіемъ XV. и XVI. вѣка[1]) (по документамъ того времени) было богато-заможно. Въ XVII. вѣкѣ настаетъ большое убожество; а года 1703-го *русины являются съ Должанскимъ попомъ Михаиломъ* въ челѣ (въ Галичинѣ пребывающаго) у *„князя“ Франца Раковція II. съ призывомъ къ возстанію противъ угнетателя ихъ свободы, противъ нѣмца,* и большая половина мужского населенія оставляетъ мирныя огнища, и выдержитъ при своемъ „князѣ“ даже до его ссылки! *Веречанскій* русинъ, по присмиреніи возстанія, радушно принимаетъ „палицы“ отъ нѣмца, но не измѣняетъ въ вѣрности „своему“ князю. *Пудполозскій* русинъ еще и въ 1880 году чествуетъ въ своемъ потомствѣ памятокъ „своего“ князя — въ столѣ, на которомъ князь, утративъ войну, убѣгая обратно въ Галичину, спочивалъ. Прапоръ Раковція II. сохранился до 1918 года въ Марамороше; и русины идя на народную раду по площади М. Сиготской, высоко подняли его при желто-голубомъ и мадьярскомъ прапорѣ. А кличъ на томъ прапорѣ былъ: „pro libertate“. Я самъ видѣлъ въ В. Раковцахъ монету съ надписью кирилликой: **„За свободу“.** Съ тѣхъ поръ и изображеніе „ал-

---

[1]) И въ XVIII. вѣкѣ. А Петровъ: „Kdy vznikly ruské osady na uherské davne zemi a vůbec za Karpaty“. Praha 1923. p. 20. примѣчаніе подъ 4).
Hodinka A.: „A munkacsigr. egyh. m. története.

таря“ церковнаго, при которомъ служили Богу: *бородатый попъ русскій*, бритый попъ латинякъ и усатый попъ угринъ. — Скажутъ: возстаніе Раковція II. было возстаніемъ угорскаго дворянскаго сословія за ихъ привилегіи, и я скажу: да, но возстаніе русиновъ было *возстаніемъ русиновъ также за ихъ привилегіи* [1]).

Такое возстаніе было и прежде, при Петрѣ Петровичѣ **„за вѣру“.** Стремленіе за свободу вѣры, за политическую и хозяйственную свободу **отпоръ противъ панщины** и по введеніи крѣпостного закона Маріи Терезіи, дерзкое заявленіе „бѣднаго“ мукачевскаго епископа Іоанна Брадача въ 1770-омъ году предъ той же царицей, и то въ блестящей, богатой Вѣнѣ, что: *„Не хочу быть епископомъ рабовъ“* [2]), доказуетъ, что Іоаннъ Брадачъ и въ пригнобленномъ урбаріальнымъ закономъ, своемъ народѣ русскомъ, чувствовалъ за собою не лишь душевную силу, но и упрямство своего народа и расчитывалъ на помощь его въ случаѣ неудачи.

Епископъ Мануилъ Ольшавскій и для омадьяризованныхъ своихъ вѣрниковъ издалъ „Magyár orosz ábécés könyv“ и „Magyár orosz kátekizmusz“. Nogy Károly 1775, называетъ ихъ „orosz“-ами, хотя они говорятъ по мадьярски [3]) „magyar-oroszok“ — угорскіе русскіе. И тотъ же епископъ „убогій, униженный“, не спѣшитъ на поклонъ къ латинскому епископу-магнату Барковцію, но напротивъ ожидаетъ его визита, потому что М. Ольшавскій *былъ дома въ Мукачевѣ,* въ своемъ престольномъ городѣ. *Не сознаніе ли это своей равности по епископскому достоинству,* хотя онъ не былъ даже и членомъ палаты угорскихъ вельможъ магнатовъ.

Въ поступкахъ попа Михаила Довжанскаго, русиновъ Вереченскаго и Пудполозскаго, и вообще всѣхъ русиновъ, въ М. Брадачѣ и М. Ольшавскомъ я не нахожу рабской трусости или раболѣпной преданности къ пану ясновельможному; сей поступокъ не объяснить и бунтомъ, но въ немъ должно искати другой мотивъ и тотъ исходитъ изъ души русина, по его давнимъ *споминкамъ о бывалой волѣ!* Называется она: libertas, воля, szabadság — все равно. 1848 года сей кличъ снова повторяется. „Свобода, равноправность, братство“ не понимаютъ румыны, сербы, но въ душѣ русина отозвалися они по его *отцовскимъ преданіямъ.* Русинъ мечется черезъ вѣка; разочаровывается неудачею... и

---

[1]) С. Бочкои даетъ равные льготы кальвинистамъ въ Nanas Böszrniény, и русинамъ, сербамъ, румынцамъ въ Н. Dorog-ѣ.

[2]) Я этотъ эпизодъ слышалъ отъ протоіерея Іоанна Яковича. По матери у него текла кровь Бачискихъ, чьи традиціи у него и осталися.

[3]) Dr. Sptripszky Hiador. Jegyzetek a görög kultura arpádkori nyomairól. Budapešt, 1913—76.

все же при первомъ удобномъ случаѣ экспериментуетъ въ давнемъ направленіи. Его и сегодня не обманешь кличами: моско-украинофильства, мадьяронства и проч. У него есть свое природное чутье: *гнатися за своимъ природнымъ идеаломъ о волѣ.* Сегодня противъ мадьяровъ, а завтра съ ними противъ нѣмцевъ... Его природное чутье ведетъ его и если настанетъ неудача *резигнуетъ и черезъ сто лѣтъ*, но при первомъ удобномъ случаѣ вспыхнетъ и просится на волю.

„Съ ними поступать должно осторожно", постановила Марія Терезія. Если и былъ русинъ непослѣдователенъ, то въ семъ отношеніи не измѣнилъ своего характера.

По возстаніи 1703—1711 г. присмиряется, мужскаго пола уменьшается на 50%[1]), прибитый урбаріальнымъ закономъ до земли, онъ волнуется, правотится съ властями, и снова терпитъ неудачу; а въ 1848 году снова всѣмъ рискуетъ... И 1849 годъ *приноситъ ему свободу; онъ законный собственникъ той земли, которую и онъ и его предки считали своею собственностью, за собственность которой боролись черезъ столѣтія, проливали свою кровь.*

У простого земледѣльца споминки о бывалой Руси, признаюся, потемнѣли; но не исчезли совершенно. Существовали они до новѣйшихъ часовъ, а о церковномъ сношеніи свидѣтельствуетъ то, что и самъ князь Ѳ. Раковскій на упраздненную Мукачевскую епископскую каѳедру проситъ епископа изъ Кіева. Воспоминаніе о давней Руси жило, хотя политическое сношеніе едва было.

Межъ тѣмъ священство сохранило въ своихъ семействахъ и споминки своего давнѣйшаго происхожденія, и передавало устно исторію своего семейства и народа. У насъ много священническихъ семействъ, много и простого народа, знающихъ о своихъ русскихъ давнихъ предкахъ. А наши писатели, по отеческимъ преданіямъ, старалися отыскати документы, для поддержанія ихъ. *Базиловичъ, Балудянскій, Лучкай, Дулишковичъ* тоже искали.

1848-го года молодый еще (ему было 28 лѣтъ) *Александръ Павловичъ*, по поводу прекращенія панщины, въ своей „Думѣ" съ благодареніемъ относится къ симъ предкамъ, говоря:

„Молимся надъ могилами
Сладчайшихъ всѣхъ своихъ батьковъ,
Засвѣдчившихъ и дѣлами
Къ свободѣ пламенну любовь".

[1]) Историческій фактъ.

Что это, якъ не вспоминка давнихъ-предавнихъ часовъ, живущая тогда у него? А онъ былъ сыномъ поповскаго семейства. Намекаетъ онъ на возстаніе Ф. Раковція „pro libertate“, или П. Петровича „о свободѣ“; объ обоихъ или о еще давнѣйшей „волѣ“ своихъ и своего народа, не знати. Но я не могу объяснити *возстанія 1703—4 годовъ и 1848—9 года, противъ нѣмцевъ съ мадьярами, и возстанія XIV вѣка, противъ мадьяровъ, иначе: якъ такъ, что: то были возстанія противъ власти, противъ угнетателя свободы русиновъ;* была то та власть мадьярска, или нѣмецка: все равно; *инстинктъ, происходившій изъ споминокъ* давнѣйшей свободы при первомъ удобномъ случаѣ, *побудилъ его для добытія утраченной воли.*

Нѣмецкій комисаръ Австрійской державы, въ своемъ рефератѣ правительству, постановляетъ, *что колонисты, очистивъ отъ деревъ пространство*, удѣленное для нихъ землевладѣльцами, по истеченіи 12-ти годовъ оставляютъ очищенную для земледѣлія землю, и *отходятъ дальше*, начиная ту же работу, *чтобы освободитися отъ платежа оброка[1]).* Потолкуемъ смыслъ сего постановленія, *по возрѣнію феодолиста нѣмца:* и мы, признатися, его и *не понимаемъ. Но объясняемъ смыслъ его постановленія*, по споминкамъ колониста-русина „не знавшаго пана съ вѣка“, слѣдовательно, не знавшаго о феодализмѣ и панщинѣ, лишь за часовъ перебыванья его „въ гостяхъ“ у поляковъ, воспользовавшихся панщиною на счетъ русиновъ *по высшей своей западной* культуры и имѣя въ виду, что обратное движеніе русскаго народа усилившися съ XVI вѣка изъ Польши къ Днѣпру потверждается исторіею, а сія исторія и доказала, что сіе обратное движеніе, по словамъ историка *Ключевскаго* произошло[2]): 1. что сія область стала безопаснѣе вслѣдствіе распаденія орды татарской; и 2. *въ предѣлахъ польскаго государства прежнее оброчное крестьянстkое хозяйство въ XV в. стало замѣняться барщиной и крѣпостное право получило ускоренное развитіе*, усиливъ въ порабощаемомъ сельскомъ населеніи *стремленіе уходить отъ панскаго ярма на болѣе привольныя мѣста.*

Мы совершенно понимаемъ причину, по которой колонистъ русинъ на Подкарпатьѣ оставляетъ приготовленну черезъ 12 годовъ великанскимъ трудомъ, и способную уже для земледѣлія почву, и *предпринимаетъ ту же работу на другомъ мѣстѣ, и то: снова.* Часть Подкарпатского народа переселилася сюда съ XI-го вѣка, и такъ *до татарскаго погрома:* переселеніе продолжалось потомъ нѣсколько

---

[1]) Hodinka. Munkács gör. kath. püspökseg örténete (77 стр).

[2]) Ключевскій. 1. 351—54.

столѣтій черезъ Семиградъ[1]). Въ выше сказанномъ часѣ „князь" (kenéz, по мадьярскимъ историческимъ даннымъ) выходилъ за границу, въ Польшу, заговоривалъ съ тамошними русинами, притѣсняемыми польскою шляхтой: „переходите за Бескиды на угры,- тамъ есть доста свободной земли для хлѣба, и для скота травы; платити не будете!" И русинъ довѣрялъ, русинъ переселился; сталъ по нуждѣ (вернутися въ Польшу было еще пуще) очищати „свой" участокъ; а 10-го года сказалъ ему тотъ же князь: „еще два года не потребую отъ тебя ничего, кромѣ одной куницы на годъ (куница въ лѣсу — ее можно поймати), *а по три года будешь отбывати панщину, ибо насталъ такій законъ".* И колонистъ русинъ отходитъ съ того мѣста. Отчего? Оттого, что помянутый „князь" *надулъ его; а у него были споминки о другомъ „князѣ"*, при которомъ жилося привольнѣе, когда предки были свободны. Слѣдовательно это не „свой князь", а такій же, якъ польская шляхта; *и инстинктъ* русина говорилъ ему: *уходи подальше, на дѣвственну область, вычищай дерева съ кореньемъ; чей полѣпшаетъ слѣдующими годами?* и твоя работа не будетъ пустой!

Но, быть можетъ, закарпатскій русинъ лишь вертался назадъ на Подкарпатье, откуда прогоняла латинизація королей, *Р. Карла и Людвига В.;* даже могли быти межъ туземцами споминки и *о бываломъ управленіи русскихъ князей!* По историческому документу X-го вѣка, Подкарпатье составляло часть (окраину) Руси; за Владиміра св. границы Руси, Польши и Угорщины сходилися подъ замкомъ „arx Salis" и тянулися къ рѣкѣ Тисѣ на югъ. Князь Борисъ былъ областнымъ паномъ Спишской Руси.

Кромѣ сего неоспоримо, что „officialis ducis Leonis" бережскій жупанъ, управлялъ нашею областью при томъ же князѣ, создавшемъ городъ Львовъ.

И межъ простымъ народомъ сохранялося преданіе изъ рода въ родъ споминками о „бывалой Руси" съ ея хозяйственными условіями жизни, *которыя совсѣмъ разнятся отъ западныхъ.*

Сознавая все выше сказанное, я понимаю источникъ помянутыхъ политическихъ возстаній, и понимаю и думку русина-колониста съ его умозаключеніемъ. Если бы онъ былъ *бѣженцемъ*, исключительно изъ страха, безъ всякихъ историческихъ преданій, онъ поддался бы безмолвно своей горькой судьбѣ и не эксперементовалъ бы возстаніями за и противъ мадьяровъ и нѣмцевъ; и колонистъ XV-го вѣка и млад-

---

[1]) См. Bonkálo S. Въ Дубовомъ (Мармарошѣ) сохранилося и по днесь преданіе, что: „что наши предки пришли сюда съ долу", слѣдовательно не съ сѣвера.

шихъ вѣковъ не поступалъ бы по сказанному нами маршруту, — но наоборотъ, онъ, приготовивъ въ теченіи 12 годовъ почву для земельной культуры, на той самой почвѣ работалъ бы и дальше для своей пользы, тѣмъ паче, что исполняя работу свою и работу-панщину, было все еще о много больше надежды на большую прибыль, чѣмъ начинати спеува, очищая почву отъ деревъ и кустовъ *безъ предвидимой пользы и надежды на лучшую будущность при вольномъ житьѣ.*

По возстаніи 1703—11 годовъ уменьшенный на 50% мужескаго пола, и прибитый до земли урбаріальнымъ закономъ Маріи Терезіи, *русинъ мученически терпитъ и ожидаетъ.* 1848 годъ нашелъ его *готовымъ къ бою за свободу, равноправность.* Русинъ замѣчаетъ, что свобода съ мадьярами противъ нѣмца-австрійца якъ-то не совсѣмъ успѣшна... но въ 1849 году на границахъ Бескидовъ появилася Россійская армія! Не обавки онъ видитъ лицемъ къ лицу въ своихъ областяхъ *родной ему русскій народъ въ офицерахъ и солдатахъ россійскаго войска. Давни споминки о немъ оживаютъ въ дѣйствительности. Русинъ съ надеждою сталъ взирати на явившагося въ его предѣлахъ сильнѣйшаго, одноплеменнаго брата единодержавной могучей Руси и у него, изъ его же племени, возстаетъ его родный братъ великій геній своего времени: Адольфъ Добрянскій.* Уже и переже спѣвалъ, а теперь торжественно поетъ *Александръ Духновичъ* и строитъ струны молодый *Александръ Павловичъ!*

„Оставьте глубокій сонъ!“ „Молимся надъ могилами сладчайшихъ всѣхъ своихъ батьковъ“ заговорили они; и русинъ спѣвалъ: „Я русинъ былъ, есмь и буду; останусе русиномъ“. И ему было вольно спѣвати, и онъ самъ заспѣвалъ: „Русскій да живетъ народъ!“ *съ одушевленіемъ, съ сознаніемъ своей русскости, которою онъ явно гордится;* и спѣвалъ и отъ радости веселился:

Дай намъ Боже добрый часъ,
Якъ у людей, такъ у насъ;
И счастливу годину,
Розвеселимъ родину!

Въ теченіе десяти годовъ Подкарпатье не лишь пережило, но и поднялося на сто лѣтъ.

Все написанное просилося на волю, на перо, не у одного изъ нашихъ; *но все описанное мною жило въ споминкахъ о батькахъ всѣхъ насъ; они намъ передавали живымъ словомъ преданія давнихъ вѣковъ, и значеніе сихъ преданій по чутью нашему народу.* Борьба, хоть и много разъ неудачная за нашу свободу: *наше природное чутье*; его не угасили мадьяры и нѣмцы; оно таилося подъ попеломъ, *но вспыхнуло при первомъ вѣтеркѣ.* Вотъ и характеристика Подкарпатскаго русина!

Пролетитъ еще вѣкъ, и быть можетъ обмѣнятся преданія и вспоминки давнѣйшихъ временъ въ сознаніи другихъ народовъ, двигаемыхъ новыми идеями, *но Подкарпатье будетъ вспоминати ихъ и по своему „упрямству“ быти свободнымъ русиномъ.* Русинъ научился по мадьярски, даже забылъ родную рѣчь, но услышалъ изъ устъ своихъ смадьяризованныхъ дѣтей русское слово, услышавъ ихъ русскую пѣсню, съ слезами въ очахъ заговорилъ:

„Благодаримъ васъ, что вы дали способъ нашимъ дѣтямъ заговорити и заспѣвати языкомъ, который мы позабывали, но которымъ наши батьки говорили*). *Смадьяризованіе, или ословаченіе русина не оставитъ его мадьяромъ, или словакомъ. Его вспоминки, нравы, преданія, обычаи: русски, отъ того онъ и останется русиномъ.* Въ продолженіи моей 40 лѣтней жизни въ обществѣ всѣхъ слоевъ нашихъ околицъ, я съ удовольствіемъ постановлялъ сей фактъ. *Мы всѣ, не смотря на нашъ разговорный языкъ, русины по чувству, чутью, и пра-прадѣднимъ вспоминкамъ!* И межъ нами были предатели; многи покинули насъ, но кто осталися, осталися вѣрными, потому же народному и природному чутью нашему, ибо, якъ наша исторія доказываетъ: *нашъ патріотизмъ не удалося пока обмѣнити на лучшую валюту.* Обмѣнятъ его на лучшу валюту? быти можетъ, но съ тѣмъ и угасъ бы нашъ настоящій духъ, и не станетъ русиновъ. Но гдѣ же найти подобныхъ валютчиковъ теперешнимъ часомъ, когда общій кличъ голоситъ: что твое — то не твое, а наше; а что наше, то-то не твое.

1) Эпизоды. Въ *М. Сиготѣ,* принимавшіе своего епископа Юлія иногда Фирцака, громогласили по улицамъ города: „Да здравствуетъ *русскій* Владыка“ въ 1894 г. — Въ 1910 г. *Яроцкій* (Ужг. ж.) русинъ затребовалъ отъ русина, чтобъ его сына училъ по русски, а не по мадьярски. — Въ 1910 г. въ *Будапештѣ,* собравшіеся „gk. magyarok“ на Рождество Христово въ отелѣ, не могли воздержаться, чтобъ вмѣсто мадьярской колядки не спѣли pianissimo: „Божій сынъ днесь народился“ и позже fortissimo: „Христосъ родился, Богъ воплотился..!“ Въ 1918 г. приходятъ смадьярщенные русины изъ Gejöc, Nyir-Lugos, Penészlek, Kisdobra etc. къ предсѣдателю „Русской Рады“ и требуютъ русскій языкъ, русскихъ поповъ, и учителей; ибо они: „oroszok“, при семъ утѣшаются, что хоть разъ еще при жизни своей услышали: „русское богослуженіе“. — Того же года на *В. Севлюшскомъ* собраніи (gek. G.) *не дозволяютъ говорити по мадьярски,* хотя всѣ почти знаютъ по мадьярски. — Въ 1919 г. янв. 22. въ Густѣ (на Радѣ) послан-

*) Жители И. Цигеля сказали мнѣ эти слова въ 1901 г. при учителѣ Keверѣ, научившемъ ихъ дѣтей по русски.

ники *Гайду*-ской жупы заявляютъ *по мадьярски:* „и мы народъ русскій; пойдемъ съ вами братья русскіе“. Минувшаго года явилися у *М. Сиготскаго* русскаго викарія депутаты смадьярщенныхъ русскихъ селъ *Бигорской жупы* (Румынія) и просили дати имъ русскихъ поповъ, учителей и учебники; они де не хотятъ перeродити своихъ дѣтей въ румыновъ; „мы коренные русскіе!“

Гора СТОЙ (1659 м.)

Фот. Флора.

Н. Упоренецъ.

Нашъ народъ.

4. Малороссы.

Славяне, осѣвшіе первоначально по обоимъ берегамъ Днѣпра, оказались на двухъ великихъ путяхъ того времени: изъ Азіи въ Европу шли различныя монгольскія племена, кочуя и задерживаясь подолгу въ тучныхъ южнорусскихъ степяхъ а „изъ варяговъ въ Греки" и обратно, по великому водному пути двигались торговые караваны, велись сношенія грековъ съ различными европейскими странами. Это положеніе, очевидно, имѣло свои крупныя выгоды и невыгоды. Быстро окрѣпнувъ подъ властью первыхъ князей, Русь долгое время успѣшно противостояла всѣмъ нападеніямъ кочевниковъ, усмиряла и покоряла ихъ, раздвинувъ свои предѣлы до Кавказа, Волги и Дуная.

Изъ событій внутренней жизни весьма важное значеніе имѣетъ принятіе Кіевской Русью христіанства. Не безъ сожалѣнія оставивъ свой прекрасный, поэтичный культъ обожанія силъ природы, русскіе скоро всей душой восприняли новую вѣру. Любовь, прощеніе врага, смиреніе и подвижничество — все это легко привилось русскому народу и больше, чѣмъ у самихъ грековъ вошло въ жизнь.

Ослабленіе княжеской власти въ связи съ развитіемъ удѣльной системы и постоянные набѣги половцевъ въ срединѣ XI в. привели къ тому, что Кіевская Русь начинаетъ сильно пустѣть. Населеніе начинаетъ уходить на сѣверъ въ поискахъ твердой власти и покоя. И то и другое оно нашло въ землѣ Суздальской, куда въ это время перемѣстился центръ русской государственности, а Кіевъ къ XIII. в. уже сошелъ на степень малозначительныхъ русскихъ городовъ. Въ XVI в., при кн. Гедиминѣ, Литва захватила западную часть Кіевской Руси до самаго города Кіева, а по Люблинской уніи область эта попала подъ власть Польши.

Польская шляхта стала охотно селиться здѣсь, по „украйнѣ" польскаго государства на пустыхъ, никому не принадлежащихъ богатыхъ земляхъ. Призывая сюда крестьянъ съ сѣвера и запада, гдѣ земли были менѣе плодородны или гдѣ постоянныя войны тревожили населеніе, шляхта обращала ихъ въ своихъ крѣпостныхъ. Затѣмъ усилясь поляки стали накладывать руку и на то населеніе области, которое не хотѣло итти „подъ пановъ", а жило обработкой свободныхъ земель. Это населеніе уходило отъ польскихъ притязаній, образовало на островахъ Днѣпра родъ государства, никому не подчиняющагося, укрѣпилось тамъ и создало довольно значительную военную силу.

Это было — „днѣпровское" или „украинское казачество". Гоненія

на русскость и вѣру въ польскихъ областяхъ сильно увеличивало ряды этого казачества и съ концемъ XVI в. оно начинаетъ уже открыто бороться съ польскимъ правительствомъ. Поляки оказывались сильнѣе и поднятыя казачествомъ возстанія жестоко подавлялись.

Возстаніе 1648 г., подъ начальствомъ гетмана Богд. Хмѣльницкаго, окончилось добровольнымъ присоединеніемъ всей отторгнутой части Малороссіи къ Москвѣ. Однако война съ Польшей завершилась невыгоднымъ для русскихъ, Андрусовскимъ миромъ (1667 г.), по которому правобережная часть Малороссіи осталась за Польшей и вернулась къ Россіи лишь по второму раздѣлу Польши въ 1793 г. Съ этого времени вся Малороссія раздѣляетъ общерусскую судьбу.

5. Великороссы.

Наступательное движеніе русскихъ славянъ на сѣверъ и востокъ велось съ очень давнихъ временъ. Новгородская удалая вольница — „ушкуйники“ уходили небольшими отрядами за свой страхъ и рискъ въ поискахъ добычи и приключеній. Не мало ихъ при этомъ, конечно, погибало въ борьбѣ съ различными попадающимися на пути, народцами. Однако-же, по большей части, эти народцы или сразу-же имъ покорялись и выполняли требованія объ уплатѣ дани, признаніи надъ собой власти Новгорода и проч. или-же уходили съ ихъ пути.

Вслѣдъ за ушкуйниками во вновь открытыя и завоеванныя области шли купцы, „гости новгородскіе“ и вступали съ народцами въ торговлю. Народцы (финскаго или какого другого происхожденія) съ радостью пріобрѣтали отъ нихъ нужные и соблазнительные иноземные товары и дешево отдавали то, что имѣли въ изобиліи: шкуры звѣрей, медъ, рыбу и прочіе дары природы.

Вслѣдъ за купцами приходили группы русскихъ славянъ изъ земли новгородской, гдѣ почва скудна, и поселялись осѣдло въ новыхъ областяхъ. Они заводили сперва добрососѣдскія отношенія съ прежними хозяевами области, а затѣмъ смѣшивались съ ними путемъ браковъ, подчиняли ихъ своей культурѣ, пріобщали къ своей религіи и вообще быстро ихъ ассимилировали. Черезъ нѣкоторое время прежній народецъ исчезаетъ безслѣдно, а его потомки уже считаютъ себя русскими и православными. Черезъ нихъ перекатываются новыя волны русскихъ славянъ, идущихъ съ сѣверо-запада, а впослѣдствіи и непосредственно съ юга и непомѣрно быстро Русь выростаетъ въ огромную страну съ громаднымъ по числу и однороднымъ по составу населеніемъ. Упорнѣе другихъ противостояли русской ассимиляціи монгольскіе народы, принявшіе магометанство.

Наступленіе XX в. застаетъ Русь или, какъ она стала съ XVIII в.

называться — Россію, въ предѣлахъ отъ Нѣмецкаго моря до Желтаго, а отъ Ледовитаго океана до Чернаго и Каспійскаго морей въ Европѣ, а до Алтая — въ Азіи.

Вмѣстѣ съ великороссами въ строительствѣ Россіи и вообще въ ея судьбѣ принимали участіе не только малороссы и бѣлоруссы, но и различные инородцы, не поддавшіеся обрусенію, а потому, касаясь основныхъ моментовъ въ жизни великорусской вѣтви русскаго народа, приходится говорить о всемъ русскомъ народѣ или націи, въ понятіи юридическомъ. Великороссы же, какъ главная составная часть націи, очевидно, принимали въ явленіяхъ общей жизни наибольшее участіе и на ихъ духовномъ складѣ, эти явленія отразились съ наибольшей силой. Въ ряду явленій на первомъ мѣстѣ стоитъ татарское иго, продержавшееся около 250 лѣтъ (1238—1480 г.) Задержавъ развитіе культуры, прививъ народу грубые нравы, пришедшіе изъ Азіи, внеся въ народный характеръ нѣкоторыя отрицательныя черты, татарское иго, въ общемъ, было несчастіемъ для русскаго народа, но, обусловленное имъ сплоченіе русскихъ національныхъ силъ, явилось залогомъ дальнѣйшихъ успѣховъ русскаго народа.

Созданіе Московскаго государства является другимъ весьма важнымъ явленіемъ. Оно явилось результатомъ стремленія широкихъ народныхъ массъ къ централизаціи власти. Цари московскіе закончили послѣ тяжелой борьбы удѣльновѣчевой періодъ русской исторіи и повели единую національную политику.

Съ Петромъ русскій народъ шагнулъ изъ Азіи въ Европу и, взявъ ея культуру, нашелъ примѣненіе своимъ богатымъ духовнымъ силамъ.

При Екатеринѣ II. на русскую интеллигенцію того времени (изъ помѣщичьяго класса) начинаютъ оказывать вліяніе французскія революціонныя теоріи, хотя безпочвенныя, но создающія опредѣленную идеологію. Появившіеся позднѣе нѣмецкія соціалистическія ученія, будучи построены на матеріальномъ разсчетѣ, способствовали огрубенію.

Если просмотрѣть народныя возстанія — смутнаго времени, разинщину, пугачевщину и многія другія болѣе мелкія, то всюду находишь рядомъ два начала: стремленіе установить „правду“ и варварскую ненужную жестокость при выполненіи этого святого стремленія. Здѣсь какъ бы смазывается кровь предковъ по двумъ линіямъ одновременно: Славянина, съ горячностью воспринявшого Христово Ученіе и наѣздника монгола съ гикомъ нападающаго на мирный поселокъ. Миролюбивый и великодушный народъ жестоко мститъ за нарушеніе „правды“ — въ такомъ видѣ сочетаются въ немъ эти оба начала.

Внѣшнія войны Россіи, которыя велись всегда удачно, имѣли послѣдствіемъ расширеніе предѣловъ государства и вступленіе Россіи

въ число великихъ державъ, рѣшающихъ судьбы міра. Но отношеніе къ нимъ народа весьма оригинально. Народъ шелъ на войну и побѣждалъ потому, что онъ вѣрилъ, что онъ бьется за правое дѣло. Когда ему агитаторы въ японскую войну и въ концѣ Великой войны внушили, что это не такъ, Россія оказалась въ обоихъ случаяхъ побѣжденной. Ради славы и добычи, съ утвержденіемъ на Руси христіанства, русскіе не воевали никогда. Русскій великанъ больше всего боялся быть несправедливымъ, боялся обидѣть слабаго,

Эпоха великихъ реформъ (отмѣна крѣпостного права, всесословная воинская повинность, реформа суда, земское и городское самоуправленіе) призвала широкія народныя массы къ мирной культурной работѣ въ тѣхъ громадныхъ предѣлахъ, которыхъ въ то время достигла Россія.

Слѣдствіемъ этого былъ такой расцвѣтъ русской науки и русскаго искусства, что Россія разомъ встала на первое мѣсто въ ряду другихъ державъ міра. Нынѣ, созданная ею культура все болѣе и болѣе проникаетъ въ другія страны и завоевываетъ ихъ.

Народность.

Въ результатѣ тысячелѣтняго процесса въ русскомъ народѣ отдѣльныя его вѣтви стали болѣе или менѣе значительно разниться между собой какъ по внѣшности, обычаямъ, языку, такъ и по душевному складу. Такъ, значительный процентъ монгольской крови, жаркій климатъ южныхъ степей и ихъ плодородность выработали тотъ типъ, который мы называемъ малороссійскимъ. Малороссы, по большей части черноволосы и черноглазы, не велики ростомъ, но очень крѣпки. По характеру меланхоличны, склонны къ привычному образу жизни, устойчивы въ своихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ.

Великороссы — наоборотъ, высоки, свѣтлы и весьма предпріимчивы.

Карпатороссы, хотя и наполнялись въ значительной степени выходцами изъ Россіи и Галиціи, однако по внѣшнему типу и характеру больше напоминаютъ предковъ славянъ.

Галичане и волыняне по внѣшности ближе къ малороссамъ, а бѣлоруссы — къ великороссамъ. Однако польскій гнетъ лишилъ ихъ, до нѣкоторой степени, многихъ русскихъ свойствъ души.

Однако, несмотря на различія, нетрудно прослѣдить то общее, что объединяетъ эти отдѣльныя вѣтви въ одинъ русскій народъ. Это — общая имъ всѣмъ идеологія и сознаніе своей русскости. Идеаломъ русскаго народа является установленіе справедливости („правды“) и народъ считаетъ своимъ долгомъ, своимъ призваніемъ — служеніе этому идеалу. А свою народность, свою русскость всѣ отдѣльныя вѣтви народа отстаивали на протяженіи исторіи весьма самоотверженно и донесли ее до нашихъ дней. Причемъ на окраинахъ, гдѣ національное чувство чаще терпитъ нападки, отстаиваніе русскости и честь русскаго имени приняло фанатическій характеръ. Принципъ, что въ вопросѣ народнаго самосознанія кровное начало уступаетъ мѣсто культурному, какъ мы видѣли, былъ воспринятъ русской народностью въ полной мѣрѣ.

В. Р. Ваврикъ.

ЦЕРКОВКА.

Вечеръ. Трепетныя зори
Свѣтятъ въ небесахъ.
Засыпаетъ боръ дремучій,
Тишина въ горахъ.

Съ Попъ-Иваномъ безпрерывно
Рѣчь ведетъ потокъ.
Церковка. И крестъ у входа,
На крестѣ вѣнокъ.

Только что сюда старуха
Принесла его
И за сына помолилась,
Сына своего.

Чу, заплакала. Навѣрно,
Онъ въ странѣ чужой.
И навѣрно, что старухѣ
Нуженъ миръ — покой.

На равнины, гдѣ съ землею
Слился небосклонъ,
Съ церковки, звуча понесся
Тихо-нѣжный звонъ.

Съ этимъ звономъ улетѣла
Думка отъ земли
И зарею засіяла
Въ небесахъ вдали.

МУКАЧЕВСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Фот. Зденекъ.

Глубокая историческая ошибка.

(Продолженіе).

Понятно, однако, что чѣмъ яснѣе и просвѣщеннѣе умъ самой матери — тѣмъ благотворнѣе ея попеченіе о дѣтяхъ. Вѣдь это она не только рождаетъ ихъ, но и съ первыхъ же дней ихъ рожденія овладѣваетъ ихъ психикой, ихъ духовной жизнью. Она творитъ не только тѣло ребенка, но и формируетъ душу его. Эта нѣжная душа всасываетъ въ себя не только ласки матери, но и всѣ проявленія ея личнаго настроенія. И впечатлѣнія воспринятыя въ раннемъ дѣтствѣ запечатлѣвались на всю дальнѣйшую жизнь, ибо они лежали глубоко и сохраняются неизмѣнно. Часто отъ этихъ первыхъ впечатлѣній зависитъ все дальнѣйшеее направленіе нашихъ вѣрованій, а также формированіе характера нашего. Неизгладимыя первыя впечатлѣнія, незамѣтно для насъ самихъ. являются тѣмъ отправнымъ пунктомъ, нити отъ котораго тянутся въ нашемъ міросозерцаніи до конца нашей жизни. Восходя въ нашихъ воспоминаніяхъ къ дѣтству своему — мы всегда можемъ прослѣдить ихъ начало.

Не напрасно историки и психологи отмѣчаютъ несомнѣнный фактъ, что всѣ выдающіеся люди всѣхъ вѣковъ — имѣли матерями своими либо высоко развитыхъ, образованныхъ женщинъ, либо богато одаренныхъ отъ природы благородными свойствами души. — Не преувеличивая, мы можемъ сказать, что не только здоровье, но и душа ребенка, направленіе его духовныхъ способностей — въ рукахъ его матери. Отсюда простой выводъ: у разумной просвѣщенной матери растутъ разумныя дѣти.

* * *

Между тѣмъ, до сихъ поръ люди какъ будто не сознаютъ этой, можно сказать, наглядной истины, и не обращаютъ вниманія, за малыми исключеніями, какъ на образованіе женщинъ, такъ и на ихъ гражданскія права и обязанности. Получается какъ будто такой взглядъ на судьбу и назначеніе женщины: разъ ты не можешь сражаться съ врагомъ, не можешь ворочать камнями, грузить и перегружать корабли, ходить матросомъ по морямъ, охотиться на звѣрей и совершать тому подобные подвиги — то уже этимъ однимъ являешься существомъ низшей породы, и мы, мужчины, остаемся господами положенія. Такой взглядъ поощряетъ „господъ“ превращать своихъ женъ въ непрестанныхъ работницъ, а не рѣдко и во вьючныхъ животныхъ. Мы постоянно видимъ въ *праздничные* дни, какъ женщина тащитъ одною рукою своего карапуза, а другою прижимаетъ къ груди годового младенца, въ то время, какъ отецъ съ тросточкой въ рукѣ важно шагаетъ впередъ, не

справляясь съ удобствами своей семьи. Воинъ и охотникъ по природѣ, онъ предпочитаетъ занятія сопряженныя съ рискомъ и даже въ спортъ свой вноситъ элементъ опасности, тогда какъ женщина, въ силу своего назначенія творить человѣка, относится бережно къ этой жизни и всячески оберегаетъ ее. Она такъ много вложила силъ своихъ, заботъ и тревогъ въ сохраненіе данной ею жизни, что возстаетъ противъ всего могущаго повредить или уничтожить человѣка.

Здѣсь я имѣла ввиду общій ходъ людскихъ взаимотношеній, подразумѣвая, что всѣ категоріи явленій имѣютъ свои исключенія. Но эти исключенія ничуть не нарушаютъ высказываемаго мною утвержденія, что женщина является прирожденной противницей всякихъ насилій надъ человѣкомъ и въ особенности противницей войнъ, обращающихъ разумное существо въ пушечное мясо; и что, во вторыхъ: она есть первый и главный стимулъ всѣхъ духовныхъ свойствъ своего ребенка, направляя ихъ растущую дѣятельность въ ту или другую сторону, смотря по качеству своей собственной духовной силы. Эта неотразимая власть вліянія матери надъ психикой своихъ дѣтей требуетъ отъ сознательнаго общества самаго внимательнаго отношенія къ умственному и духовному развитію *всѣхъ* женщинъ: предоставленія имъ полной возможности воспользоваться всѣми плодами научнаго образованія. Только тогда прекрасныя свойства женской души проявятся во всемъ ихъ благотворномъ значеніи, и вѣковая ошибка человѣчества, поработившая не только тѣло, но и душу матери своей — постепенно изгладитъ зло, проистекающее отъ устраненія женщины отъ общественной дѣятельности.

Сравнительно немногія женщины, получившія спеціальное образованіе, своими успѣхами въ области медицины, педагогики и другихъ прикладныхъ наукъ уже доказали, что интеллектъ ихъ способенъ усваивать знанія не хуже мужского. Но арена общественныхъ работъ открыта для женщинъ лишь въ немногихъ странахъ, напримѣръ въ Соед. Штат. Америки, гдѣ равноправная женщина уже принимаетъ видное участіе въ государственныхъ дѣлахъ и особенно въ преобразованіи воспитательныхъ и образовательныхъ нормъ молодого поколѣнія обоихъ половъ.

Пора и намъ оставить прошлому предразсудки нашихъ праотцевъ и принять въ свою среду женщину, какъ равноправную сотрудницу, голосъ которой въ дѣлѣ воспитанія ея дѣтей — долженъ быть преобладающимъ.

Надо положить конецъ *глубокой исторической ошибкѣ*, стоившей человѣчеству безконечное количество губительныхъ войнъ, и дать женщинѣ полную возможность проявить на дѣлѣ свою любовь къ лю-

дямъ, свое психологическое постиженіе ихъ нуждъ и стремленій. И благо человѣчества требуютъ раскрѣпощенія женщины всѣхъ слоевъ, всѣхъ положеній. И если правительства уже поняли неизбѣжность этого требованія — то обществу тѣмъ болѣе надо спѣшить осуществить его.

К. Брешковская.

Проф. Ю. А. Яворскій.)*

Русскій языкъ.

Вступленіе.

„Повелитель многихъ языковъ, языкъ Россійскій, не токмо обширностію мѣстъ, гдѣ онъ господствуетъ, но купно и собственнымѣ своимъ пространствомъ и довольствіемъ великъ передъ всѣми въ Европѣ...

Карлъ Пятый, Римскій Императоръ, говаривалъ, что Ишпанскимъ языкомъ съ Богомъ, Французскимъ съ друзьями, Нѣмецкимъ съ непріятелями, Итальянскимъ съ женскимъ поломъ говорить прилично. Но если бы онъ Россійскому языку былъ искусенъ, то, конечно, къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всѣми оными говорить пристойно. Ибо нашелъ бы въ немъ великолѣпіе Ишпанскаго, живость Французскаго, крѣпость Нѣмецкаго, нѣжность Итальянскаго, сверхъ того богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость Греческаго и Латинскаго языка.

Сильное краснорѣчіе Цицероново, великолѣпная Виргиліева важность, Овидіево пріятное витійство не теряютъ своего достоинства на Россійскомъ языкѣ. Тончайшія философскія воображенія и разсужденія, многоразличныя естественныя свойства и перемѣны, бывающія въ семъ видимомъ строеніи міра и въ человѣческихъ обращеніяхъ, имѣютъ у насъ пристойныя и вещь выражающія рѣчи. И ежели чего точно изобразить не можемъ, — не языку нашему, но недовольному своему въ немъ искусству приписывать долженствуетъ. Кто отчасу далѣе въ немъ углубляется, употребляя предводителемъ общее философское понятіе о человѣческомъ словѣ, тотъ увидитъ безмѣрно широкое поле или — лучше сказать — едва предѣлы имѣющее море...

Изъ Посвященія „Россійской Грамматики"
М. В. Ломоносова 1755 года.

---

*) *Отъ редакціи.* Мы беремъ на себя смѣлость перепечатать въ нашемъ журналѣ прекрасный гимнъ русскому языку — написанный очень виднымъ галицкорусскимъ дѣятелемъ и патріотомъ проф. *Ю. А. Яворскимъ,* къ литературной и патріотической дѣятельности котораго мы современемъ вернемся.

Русскій языкъ.

Языкъ народа — это его исторія, его этнографія, его бытъ и душа. Языкъ — это та благодатная искра Божья, которую, какъ самое священное и драгоцѣнное достояніе, вынесъ народъ изъ сѣдого хаоса бытія, та живая, нерукотворная риза его, которая одухотворяетъ, окрыляетъ, озаряетъ народную жизнь. Это — главная основа и суть народнаго существа, могучій рычагъ, чудотворный талисманъ культурнаго развитія народа.

Русскій языкъ! „Нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу!“ Это изъ-за гроба зоветъ къ намъ, будитъ и ободряетъ насъ вдохновенный глаголъ великаго мастера русскаго слова, извѣрившагося во всемъ другомъ, но сохранившаго увѣренно и свято этотъ высшій, свѣтлый и немеркнущій идеалъ — „великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ!“

Изъ таинственныхъ нѣдръ вѣковъ, изъ творческаго хаоса туманной прародины своей, вынесло русское племя этотъ чудесный, животворный кладъ — великій и прекрасный свой языкъ. Вынесло, берегло, холило его. Сберегло отъ внутренняго оскудѣнія и растлѣнія, которыя тлетворно подкрадывались къ нему неразъ, отстояло отъ облыжныхъ лапъ коварныхъ друзей, отъ жестокихъ когтей хищныхъ враговъ, столько разъ тянувшихся за нимъ. Вдохновило, освѣтило его живою кровью своего сердца и духомъ богатырскимъ своимъ, своею безграничною любовью и безконечною тоской. Нагрѣло его горячей, жизнерадостной нѣгою своего благословеннаго юга, заронило въ него неизбывную скорбь и задуму угрюмаго сѣвера своего.

И создавало, образовало этотъ русскій языкъ не одно какое-нибудь его колѣно, не одна какая-нибудь область его въ отдѣльности, а все русское племя сообща, на цѣломъ необъятномъ пространствѣ родной страны, на всемъ многоцвѣтномъ протяженіи своего историческаго развитія. Какъ въ общую, завѣтную житницу, вносили въ него свои лучшіе и самые яркіе цвѣты и соки, свои завѣтнѣйшія думы и грезы — и южане, и сѣверяне, велико-мало-бѣло- и червонно-россы, Новгородъ и Вильна, Москва и Кіевъ и Галичъ. Со всѣхъ концовъ, изъ всѣхъ угловъ широкораздольной русской земли собирались содружно родные, самозвончатые звуки и сливались гармонически въ одну цѣльную и стройную, прекрасную и могучую симфонію, имя которой — русскій языкъ. Тотъ великій и совершенный литературный, книжный русскій языкъ, который, — послѣ многихъ вѣковъ совмѣстнаго творческаго броженія и развитія, любовно выношенный и выграненный въ общемъ горнилѣ соборнаго народнаго духа, духа кіевскихъ дружинниковъ и олонецкихъ сказителей, Митусы и Бояна,

Ивашки Пересвѣтова и Іоанна Вишенскаго, Смотрицкаго и Ломоносова, — такъ ослѣпительно ярко и благовѣстно созрѣлъ и просіялъ вдругъ въ Пушкинѣ, такъ неожиданно и своебразно засвѣркалъ затѣмъ чудесной, самоцвѣтной радугой въ Гоголѣ, такъ привольно и властно развернулся, наконецъ, во всю свою богатырскую мощь и ширь въ Тургеневѣ и Толстомъ.

Соборный и верховный, единый и общій, родной и близкій всѣмъ русскимъ племенамъ и областямъ, этотъ прекрасный и могучій языкъ и является, такимъ образомъ, для всѣхъ нихъ нынѣ тѣмъ обязательнымъ и неотъемлемымъ орудіемъ и рычагомъ ихъ образованности и культуры, всего ихъ духовнаго и общественнаго уклада и прогресса, который такъ щедро и благодатно завѣщанъ имъ всѣмъ ихъ историческимъ прошлымъ и на которомъ, въ свою очередь, всецѣло зиждется и весь дальнѣйшій ростъ и расцвѣтъ національно-культурнаго бытія. — И поэтому нынѣ, съ одной стороны, ни одно изъ этихъ племенъ, ни одна изъ этихъ областей не имѣетъ и не можетъ имѣть какія нибудь частныя и особенныя права и притязанія къ нему, не смѣетъ и называть его своимъ частнымъ удѣльнымъ достояніемъ и загребать его лукаво и жадно, на основаніи какого-нибудь случайнаго и условнаго преимущества или перевѣса въ его историческомъ образованіи, исключительно въ свою пользу. Руки прочь! Ибо это — общее и совмѣстное твореніе всѣхъ русскихъ областей и родовъ въ совокупности, это — завѣтное, неоспоримое и неотъемлемое прадѣдовское наслѣдіе всего великаго русскаго племени, какъ въ его соборномъ цѣломъ, такъ и во всѣхъ его удѣльныхъ разновидностяхъ и оттѣнкахъ порознь. Ибо тотъ, кто для этого нынѣ, по истеченіи многихъ вѣковъ совмѣстной творческой работы и мысли всего русскаго народа, захотѣлъ бы отыскивать и выдѣлять въ этомъ обще-русскомъ языкѣ частныя и мѣстныя черты и особенности, внесенныя въ него отдѣльными нарѣчіями и областями, задался бы такою-же нелѣпою и безумною цѣлью, какъ опознать и выдѣлить въ сердцѣ ребенка особыя капли крови отца и матери его.

Однако, съ другой стороны, если ни одно изъ отдѣльныхъ русскихъ племенъ не имѣетъ основанія и права признавать и присваивать себѣ этотъ общій, всерусскій языкъ въ свою частную и исключительную собственность, то тѣмъ болѣе, ни одно изъ нихъ нынѣ не смѣетъ тоже, въ свою очередь, и почему-либо отрекаться и отказываться отъ него, это было бы и невѣжественно, и неблагодарно, и до безумія нелѣпо, и до предательства преступно и подло. Это было бы изувѣрское самооскопленіе, культурное самоубійство его. Легкомысленное возвращеніе къ первоначальной тьмѣ и мрази, къ первобытному хаосу и бреду національнаго бытія.

**) Лишившись вдругъ, въ безумномъ порывѣ самодурскаго или злоумышленнаго отреченія, великаго и совершеннаго языка богатой образованности и культуры, выработаннаго многими вѣками народной самодѣятельности и творческой работы многихъ поколѣній, — это несчастное и безразсудное племя возвратилось бы снова къ косноязычному лепету и жалкому одичанію своихъ истоковъ и обрекло бы себя, безъ сомнѣнія, на вѣрную и неизбѣжную духовную и національную гибель.*

Ибо въ наше позднее, лихорадочное время вѣдь некогда уже и думать о томъ, чтобы можно было начинать народную жизнь и культуру сначала. **Поздно и немыслимо уже нынѣ образовать изъ слабаго дѣтскаго лепета — новый, сколько-нибудь живой и жизнеспособный языкъ, поздно и безнадежно создавать изъ простой пастушьей сказки или колыбельной пѣсеньки — особую и самодовлѣющую литературу и культуру. И поздно и нелѣпо, и — главное — совершенно напрасно и зря.**

Потому что, если въ началѣ и было самозвучное и вѣщее Слово, въ которомъ была творческая жизнь и сила, и была надежда, былъ Богъ, — то нынѣ, когда ужъ подавно застылъ и улегся въ мірѣ его созидающій хаосъ и въ сумеречной истомѣ изсякли его первозданныя силы, нельзя ужъ, конечно, и грезить о какомъ нибудь новомъ его чудѣ творимомъ. Потому, что въ наше сѣрое и трезвое время ex nihilo fit — уже только — nihil...

Дружба.

Надъ моремъ шумящимъ, средь волнъ озвѣрѣвшихъ,
Два черныхъ утеса навѣки срослись,
И шумнаго моря валовъ посѣдѣвшихъ
Кольцомъ серебристымъ вокругъ обвились.
И волны пусть злятся свирѣпаго моря
И пѣной бросаютъ могучихъ валовъ
На грудь близнецовъ. Стоятъ отражая
Удары тѣхъ мощныхъ и вѣчныхъ враговъ.
Ревутъ пусть надъ ними полночной порою
Чудовища моря безъ словъ и рѣчей,
Кругомъ наполняя краины собою —
Всегда безпокойныхъ, кипучихъ полей...
— Какъ прежде, утесъ неподвижной главою
Средь зыбей шумящихъ, надъ моремъ стоитъ,
Прикрывшись туманною, утренней мглою
Внимая, какъ злобное море шумитъ.

Андрей В. Карабелешъ.

**) Курсивъ нашъ.*

МАЙДАНКА.

Фот. мин. совѣт. Кадлецъ.

Пророкъ.

Ночной туманъ разлился надъ долиной,
Когда цвѣли надъ горною стремниной
Цвѣты полночные на тонкихъ стебелькахъ,
Тамъ я сидѣлъ надъ горною стремниной;
Ночной туманъ носился надъ долиной
И звѣзды плавали въ высокихъ небесахъ,
Отъ свѣта яркихъ звѣздъ рожденная волна
Все залила вокругъ ласкающимъ сіяньемъ,
И вся объятая молитвеннымъ молчаньемъ
Стояла ночь, безмолвія полна.
Струею нѣжною, какъ въ храмѣ дымъ кадильный,
Прозрачный паръ поднялся надъ землей,
И чей-то духъ, живой и сильный,
Казалось, рѣялъ надо мной.
Какъ искрой молніи зажженный
Мгновенный свѣтъ мнѣ въ грудь проникъ —
И понялъ я душой смущенной
Досель невѣдомый языкъ.
Онъ говорилъ о красотѣ творенья,
Великаго въ безбрежности своей;
О жаждѣ истины, о вѣрѣ и сомнѣньи,
О заблужденіяхъ, царящихъ межъ людей,
Въ душевной слѣпотѣ идущихъ братъ на брата;
О томъ, какъ жизнь и дивна, и богата,
И о призваніи быть свѣточемъ во мглѣ,
Пѣвцомъ чудесъ чарующей природы,
Быть вѣстникомъ любви, надежды и свободы,
Пророкомъ правды на землѣ.
Въ душѣ есть гостья неземная:
Полупотухшая, въ тиши,
Тамъ искра Божья, чуть мерцая
Горитъ на алтарѣ души;
Блаженъ, кому дано призванье
Ту искру въ сердцѣ оживить —
Ея потухшее мерцанье
Въ живой огонь воспламенить!
Проснувшись, этотъ пламень жгучій
Овладѣваетъ всей душой —
Всеосвѣщающій, могучій,
Кипящій радостью живой!

Як. Ивановъ.

В. Копанья, 15. III. 1924.

А. В. Поповъ.

Ошибка слѣпого офицера.

(Разсказъ изъ чешской жизни).

I.

Новакъ ослѣпъ только потому, что желѣзный нѣмецкій кулакъ бросилъ его во второй половинѣ 1915 года, на фронтъ защищать совершенно чуждые ему интересы ненавистнаго народа.

Ему было всего навсего двадцать пять лѣтъ. Онъ уже былъ наканунѣ того, чтобъ сдѣлаться докторомъ философіи, когда его вытащили изъ университета, натянули на него солдатскую шинель и отправили, вмѣстѣ съ прочими, на итальянскій фронтъ. Вскорѣ же послѣ его прихода на фронтъ надъ нимъ разразилась ужасная катастрофа. Тысячи падающихъ снарядовъ, милліоны осколковъ изъ желѣза и камня со свистомъ и трескомъ падали въ окопы. Чѣмъ и какъ ему выжгло тогда глаза — онъ не зналъ. Помнитъ только одну картину, которая навѣки врѣзалась въ его память. Голыя горы, забытыя поля, полуразрушенныя итальянскія деревни, покинутыя перепуганными жителями и быстрая горная рѣка. Ослѣпительное іюньское солнце невыносимо грѣетъ, раскаливаетъ камни и воздухъ. Душно отъ жары и страшно отъ итальянской канонады. Снаряды рвутся впереди, сзади. Надъ головами трескаетъ шрапнель и монотонно жужжа стальными пропеллерами носятся аэропланы, наводя паническій страхъ на дрожащихъ солдатъ. Вотъ ихъ сразу закружилось надъ окопами нѣсколько. Сбрасываютъ бомбы. Канонада усилилась. Къ снарядамъ, рвущимся съ такой страшной силой, прибавились страшные удушливые газы.

Уже съ той самой минуты, когда итальянцы начали жарить изъ орудій — въ душу Новака заползало что-то жуткое и холодное. Страшная грусть разливалась въ душѣ. Онъ предчувствовалъ несчастіе, которое надъ нимъ потомъ разразилось. Жуткій непонятный страхъ, особенно сегодня усилившійся до невѣроятныхъ размѣровъ, толкалъ его убѣжать изъ проклятыхъ окоповъ и только напряженіемъ силы воли онъ остановилъ самъ себя отъ позорнаго бѣгства.

И вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него разрывается снарядъ. Ѣдкій дымъ, шумъ и свистъ осколковъ мимо ушей и что-то ужасно горячее, похожее на раскаленный песокъ, тонкій, нѣжный, обливаетъ его лицо, лѣзетъ въ носъ, глаза, горло. Потомъ страшная боль разбѣгается по тѣлу, но особенно, какъ бы замерла въ глазахъ и носу. Когда разорвался снарядъ, Новакъ инстинктивно закрылъ глаза, но когда первый страхъ прошелъ и жила только невиносимая боль въ нихъ — онъ поднялъ вѣки да, поднялъ, потомъ широко открылъ

глаза, но ни солнца ни товарищей... Кругомъ стояла ночь, темная непроницаемая и жуткая ночь. Боясь еще вѣрить, не желая вѣрить въ страшную дѣйствительность, Новакъ еще разъ пробуетъ широко открыть глаза; достаетъ платокъ — протираетъ ихъ, щупаетъ дрожащими пальцами — вѣки и брови спалены, а вокругъ глазъ распухло отъ обжога. И боль, какъ будто отъ милліона воткнутыхъ иголокъ жжетъ глаза съ дьявольской силой.

„Ослѣпъ“, „ослѣпъ“! — проносится у него въ головѣ и животный страхъ разлился по мокрому отъ пота тѣлу. Но онъ не хочетъ вѣрить... онъ подзываетъ товарища... онъ усиліемъ воли старается уговорить самого себя, что **это все** неправда, что глаза только засыпаны пескомъ, что не можетъ ослѣпнуть, что лучше потерять ногу, руку, что въ околодкѣ все выяснится и онъ черезъ день, два, ну черезъ недѣлю будетъ снова видѣть.

Но страхъ сдѣлаться навѣки слѣпымъ, съ страшной силой заползалъ во всѣ уголки его души, морозилъ тѣло, заставлялъ дрожать. Хотѣлось рыдать, громко кричать, кому то жаловаться, и кого то проклинать. Волна ненависти прокатилась въ немъ и застыла.

Чья то невидимая сила толкаетъ его. Онъ вскакиваетъ на ноги и дико кричитъ:

— Генералъ!.. Фельдфебель!.. Скорѣй сюда. Убью, какъ собакъ убью!

Потомъ ослабѣлъ, сдѣлался похожимъ на маленькаго мальчика, чѣмъ то сильно обиженнаго и заплакалъ горькими, обидными слезами.

Нужна богатая фантазія, чтобы хотя отчасти могла представить душевное состояніе человѣка здороваго, сильнаго, полнаго энергіи и способностей, но сразу превратившагося въ калѣку — въ слѣпца.

Попробуйте въ ясный, солнечный день, гдѣ нибудь среди цвѣтущихъ полей, закрыть глаза на двадцать-тридцать минутъ и повторяйте про себя съ силой: „какъ ужасно быть слѣпымъ!“ и при этомъ пусть ваше воображеніе, насколько это можно, шепчетъ вамъ, что вы и на самомъ дѣлѣ ослѣпли. И вы почувствуете, какъ по вашей спинѣ начнетъ пробѣгать дрожь, потомъ васъ начинаетъ морозить, а сердце какъ будто перестаетъ биться. Вы, я знаю, какъ только вообразите весь ужасъ ослѣпнувшаго человѣка, не выдержите съ закрытыми глазами и четверти часа. Поднимаете вѣки: передъ вами снова сіяетъ теплое, улыбающееся солнце, зеленый лѣсъ, золотая рожь и пшеница съ зелеными полосками межей между полями, голубое небо, дрожащій воздухъ и все, все, что такъ нѣжитъ и радуетъ нашъ избалованный взоръ.

II.

Уже три мѣсяца Новакъ живетъ и лѣчится въ Прагѣ. Сначала въ немъ жила еще надежда выздоровѣть (если бы не эта слабая искорка надежды, то онъ давно бы покончилъ самоубійствомъ въ первые же дни несчастья), но мало помалу эта надежда слабѣла все болѣе и болѣе.

Отчаяніе, которому онъ поддавался въ первые дни, теперь какъ будто притупѣло и онъ, въ силу привычки, все рѣже и рѣже думалъ о безполезности жить еще на свѣтѣ. То что онъ не видѣлъ солнца, не видѣлъ зелени, которую онъ такъ любилъ, какъ бы отошли куда то на второй планъ. Съ чѣмъ онъ еще до сихъ поръ не могъ примириться, это была мысль о томъ, что его жалѣютъ товарищи, что они съ болью смотрятъ на его обезображенное лицо и многозначительно переглядываются между собою и ему было отъ этого особенно больно и непріятно. Докторъ утѣшалъ его, но по тону его голоса — Новакъ зналъ, что онъ уже никогда больше не увидитъ то, на что привыкъ смотрѣть въ теченіи двадцати пяти лѣтъ. Иногда на него нападала такая страшная тоска, что онъ не спалъ, не ѣлъ, не могъ себѣ нигдѣ найти мѣста. Все ему было чужимъ, не важнымъ, мелочнымъ, по сравненію съ его горемъ. Шумъ, смѣхъ и шутки другихъ больныхъ и слѣпыхъ — раздражали его. Онъ не могъ себѣ представить, какъ это они могутъ смѣяться, шутить, когда надъ ними разразилось такое страшное горе. Ему казалось, что люди въ ихъ положеніи — заживо погребенные, и что смѣяться, шутить могутъ тѣ изъ нихъ, которые ненормальны.

Въ одну изъ такихъ минутъ невыносимой скорби и тоски по утраченномъ, Новакъ рѣшилъ идти на берегъ Влтавы и броситься въ въ нее въ томъ мѣстѣ, откуда видны Градчаны.

Докторъ, молодой, но уже успѣвшій ожирѣть и раскраснѣться, какъ бы толкаемый самой судьбой, зайдя къ Новаку, самодовольно и рисуясь говорилъ:

— „Нѣтъ такого положенія, къ которому бы человѣкъ не умѣлъ привыкнуть. Привычка — это вторая натура, да-съ молодой человѣкъ, привыкнете и вы, и будете еще счастливъ. Только не надо вамъ оставаться наединѣ. Идите, дорогой, въ паркъ, въ садъ, на свѣжій воздухъ, а главное — къ людямъ, къ людямъ. Не даромъ говорится, что „на людяхъ и смерть красна“.

Говорилъ докторъ ласково, съ теплымъ участіемъ, совсѣмъ не подозрѣвая того, какую боль онъ наноситъ больному Новаку, который боялся всякаго сочувствія, ненавидѣлъ тонъ, какимъ говорилъ съ нимъ докторъ.

— „Идти къ людямъ, слышать отъ нихъ слова сочувствія, собо-

лѣзнованія, и въ тоже время всѣмъ своимъ существомъ знать, что эти люди радуются въ душѣ тому, что не съ ними случилось это ужасное несчастье, нѣтъ, это для меня невыносимо тяжело, это выше моихъ силъ. Идти въ паркъ и слышать тамъ смѣхъ веселой толпы, смѣхъ женщинъ, крикъ дѣтей и пѣнье птицъ въ то время, когда онъ такъ далекъ отъ всего этого — ему нельзя! Развѣ люди, ослѣпленные — какое страшное слово! — своимъ эгоизмомъ, какъ этотъ воспитанный, интеллигентный докторъ, могутъ понять его муки? Развѣ можно увидѣть его измученное сердце? Увидѣть рану, изъ которой день и ночь, капля по каплѣ струится кровь?"

И ему представилось, что онъ такъ долженъ будетъ мучиться двадцать, сорокъ лѣтъ еще и что никто и никогда не пойметъ его, и что онъ среди людей будетъ одинокимъ. И горькая, обидная жалость зажгла его серце. Слезы готовы были брызнуть у него изъ глазъ, но боязнь быть смѣшнымъ — а развѣ не смѣшонъ плачъ слѣпыхъ, ихъ слезы? — заставила его сдержаться. Но это сдерживаемое горе и тоска, страшная, мучительная тоска, какъ желѣзными тисками, сжала все его существо. Назойливо, какъ муха, въ головѣ шумѣла и лежала мысль:

„Зачѣмъ тебѣ жить? Зачѣмъ жить безъ радости, безъ счастья?.. Какъ дикое, затравленное животное? Это жизнь? Да? О, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Лучше смерть. Однимъ ударомъ порвешь со всѣмъ, къ чему ты привязанъ... А къ чему я привязанъ?" задавалъ онъ себѣ вопросъ, на минуту отстраняя отъ себя неотвязчивую мысль о безцѣльности жизни. Онъ долго искалъ отвѣта на вопросъ:

„Къ чему онъ привязанъ?"

И никакъ не могъ найти его. Онъ перебралъ все, что его когда то интересовало — книги, наука, музыка, пѣніе, дружба, любовь — и ни на чемъ не могъ остановиться. Его несчастье, какъ темная, мрачная стѣна или глубокая пропасть отдѣляла его отъ людей, отъ искусства. По одну сторону стоялъ онъ, а по другую — они. На ихъ сторонѣ была радость и счастье жизни, яркое солнце, а на его — тьма, вѣчная, непроглядная тьма. Жуткая, глухая ночь безъ звѣздъ, безъ очаровательной луны, безъ блеска серебряной росы, безъ блеска зеркальной воды рѣкъ и озеръ. Ему казалось, что чья-то невидимая рука схватила его за шиворотъ, поднялась съ нимъ на тысячи километровъ отъ земли и тамъ бросила его въ страшную пропасть безъ дна. Онъ чувствуетъ, какъ его паденіе становится все быстрѣе и быстрѣе, онъ чувствуетъ, какъ съ страшною силой свиститъ вѣтеръ вокругъ его ушей, обжигаетъ его лицо, развиваетъ волосы, но въ то же время безнадежная тоска сильнѣе сжимаетъ его сердце, давитъ грудь. Со-

знаніе, что онъ будетъ такъ летѣть вѣчно, мучаетъ его невыносимо, но ни кричать, ни стонать, ни звать на помощь — онъ не можетъ, потому что ясно сознаетъ всю ихъ безсмысленность. И нѣтъ исхода изъ его положенія. Кругомъ все пусто, не за что ухватиться. Но вотъ вдали — быть можетъ за милліоны километровъ отъ него — указалась еле примѣтная точка. И какъ только онъ ее увидѣлъ, такъ сразу же въ немъ загорѣлась надежда, захотѣлось кричать, звать къ себѣ на помощь.

Такъ и теперь. Точка, которую онъ увидалъ — была Смерть. Для него были только двѣ истины — никѣмъ не опровергнутыя, фактически существующіе — это Жизнь и Смерть. Отсюда выходило все — и сюда же съ неизбѣжной энергіей все стремилось назадъ. Это было вѣчное движеніе. Было ли вѣчное возрожденіе однихъ и тѣхъ же формъ — онъ не зналъ и боялся даже предполагать, что вѣчный обмѣнъ между Жизнью и Смертью приведетъ его когда нибудь, можетъ быть — за трилліоны лѣтъ — опять къ образу человѣка.

Смерти Новакъ боялся, но жизнь въ настоящемъ его положеніи казалась ему въ милліонъ разъ страшнѣй, а поэтому онъ рѣшилъ покончить съ собой. Ни писать прощальныхъ писемъ, ни прощаться, хотя бы мысленно съ кѣмъ нибудь онъ не имѣлъ положительно никакого желанія. Что за излишняя сентиментальность у человѣка, всѣми забытаго, никому ненужнаго? Отцу и матери въ Градецъ даже и не писалъ о своемъ несчастьи. Зачѣмъ? И безъ того у стариковъ много горя.

„Послушай, Иванъ, — говорилъ онъ провожающему его солдату, — ты веди меня на берегъ рѣки. Я хочу послушать, какъ шумятъ волны милой Влтавы, хочу послушать, что онѣ скажутъ несчастному слѣпому офицеру. Ты знаешь — меня за выбитые глаза — произвели въ офицеры... Какая прекрасная награда! Какъ я радуюсь, до...

Куда прикажите отвести васъ, спросилъ солдатъ.

„Такъ, чтобъ мы сѣли противъ Градчанъ. Я всегда любилъ это мѣсто нашей „златой“ Праги. Ты знаешь, Иванъ, вѣдь въ томъ замкѣ — цѣлая наша исторія, наша слава.

— Наша Прага, Прага славянская, которая ждетъ славныхъ гостей... Ужъ и калачи тутъ многіе пекли, господинъ офицеръ...

„Говори, говори, не бойся... Ждутъ русскихъ, знаю. Русскіе насъ освободятъ и мы будемъ свободными, а можетъ быть будемъ подъ однимъ славянскимъ царемъ? Что?

— Такъ и будетъ, господинъ поручикъ!

„Будетъ ли? Иванъ? А?

— Будетъ, должно такъ быть... Весь народъ нашъ ждетъ этого момента. Къ намъ пригнали плѣнныхъ русскихъ... Если бы не жандармы, такъ ихъ на рукахъ стали бы носить.

„А что думаешь, Иванъ, кто долженъ проиграть войну?“

— Нѣмцы, обязательно нѣмцы! Русскіе, говорятъ, стоятъ уже опять у Кракова. Австрійцы миръ просятъ, вотъ какъ пошло съ ними. Только объ этомъ не пишутъ. Говорятъ, что русскіе отступаютъ.

Новакъ смотрѣлъ на шумящую рѣку и не видѣлъ ея, не видѣлъ, какъ тамъ шныряли рыбки, какъ неслышно, словно тѣни, скользили лодки, какъ на огромныя барки вычерпывали песокъ, а на другой сторонѣ, утопая въ зелени, поражая красотой, возвышались гордыя Градчаны, но онъ все это зналъ, чувствовалъ и много, всю жизнь отдалъ бы за то, чтобы хоть на минуту увидѣть всю красу Божьяго міра, красу его любимыхъ Градчанъ и Петржина. И ужасной болью защемило его сердце. Шумъ, говоръ, смѣхъ толпы, крикъ газетчиковъ, звонки трамваевъ, велосипедовъ, рожки автомобилей страшно раздражали его и заставляли ускорить принятое рѣшеніе. Эти люди вызывали въ немъ зависть. У него росла злоба и то пріятное чувство, которое онъ испытывалъ во время разговора съ солдатомъ, начинало понемногу испаряться. До того страшнаго момента, когда онъ не имѣлъ причины такъ высоко цѣнить зрѣніе, Новакъ смѣялся надъ толпой, надъ уличными Донъ-Жуанами, надъ кокетками; ему никогда не приходило въ голову шляться по пыльнымъ улицамъ Праги и флиртовать съ незнакомыми женщинами, но сейчасъ, если бы онъ могъ окунуться въ эту мелочь жизни, самому посмѣяться пошленькимъ смѣшкомъ, пошло улыбаться пошлымъ же женщинамъ, идти по улицамъ безъ солдата, зайти въ шикарный магазинъ на Вацлавской площади, полюбоваться на себя въ зеркалѣ, пожать тихонько руку кассиршѣ, вскочить молодецки въ трамвай на полномъ ходу, расчитавъ предварительно куда надо наступить лѣвой, а куда правой ногой. Боже, какъ ему захотѣлось самому ходить по этимъ живымъ, стонущимъ улицамъ красавицы Праги! Онъ даже задрожалъ отъ охватившаго его волненія, но безумное желаніе сейчасъ же погасло подъ свѣтомъ разума.

„Пошлю солдата за газетой, а самъ брошусь въ воду“, подумалъ Новакъ и продолжая думать въ этомъ же направлсніи, спросилъ Ивана:

„Глубоко тутъ?“

— Глубоко. Вода здѣсь черная, спокойная.

„Можно утопиться?“

— Конечно можно! И не найдутъ сразу-то, потому что вода тѣло подъ барки унесетъ.

„Отлично! Мѣсто — самое удобное — утоплюсь! Живо подумалъ Новакъ и доставъ деньги, послалъ Ивана за газетами.

Солдатъ всталъ и пошелъ. Новакъ, выждавъ минуты двѣ, быстро всталъ съ лавочки, подошелъ къ желѣзнымъ периламъ и уже пере-

бросилъ одну ногу за нихъ, какъ вдругъ чьи то цѣпкіе руки впились въ него и испуганный женскій голосъ закричалъ надъ самымъ его ухомъ:

-- Куда? Что съ вами? — Утонете!.. Нельзя... Какъ я испугалась. Насилу добѣжала, говорила задыхаясь испуганная дѣвушка.

III.

Женщина потянула его къ себѣ. Въ первую минуту Новакъ хотѣлъ сильнымъ ударомъ лѣвой ноги оттолкнуть эту сумасшедшую отъ себя и броситься въ рѣку, но раздумалъ, такъ какъ уже много любопытныхъ собралось вокругъ нихъ. Онъ боялся, что не успѣетъ утонуть, его вытащатъ и газеты будутъ шумѣть о немъ, можетъ быть посчитаютъ его безумный шагъ просто своего рода рисовкой. Онъ послушно перенесъ правую ногу назадъ изъ-за перилъ и сѣлъ съ женщиной на лавочку, попросивъ публику разойтись. Отъ пережитаго страха женщина дрожала словно въ лихорадкѣ и ему вдругъ стало жаль ее, невыносимо жаль самого себя и онъ заплакалъ. Женщина нѣжно гладила своей дрожащей рукой его руку и уговаривала его не плакать.

Навѣрное въ другое время ему такое утѣшеніе рѣзало бы сердце, но сейчасъ, послѣ всего пережитаго имъ, онъ какъ то ослабѣлъ и поддался теплому, сердечному тону, какимъ говорила съ нимъ незнакомка.

Онъ пересталъ плакать и съ удовольствіемъ слушалъ ея голосъ. Пришелъ солдатъ, но Новакъ отослалъ его отъ себя.

Часа два говорили новые знакомые, сначала о войнѣ, о ея виновникахъ, высказали вообще свои взгляды на войну и сошлись на томъ, что война — это бѣснованіе человѣчества и народовъ; потомъ заговорили о политикѣ, перешли на литературу, музыку. На этомъ во многомъ не сошлись, немного поспорили, узнали другъ друга поближе и когда она собралась уходить домой, Новаку сдѣлалось грустно и больно. Словно мелькнулъ свѣтлый, заманчивый огонекъ и снова угасъ.

Прощаясь, она спросила его имя и фамилію, откуда онъ родомъ, гдѣ находится теперь, а онъ въ свою очередь узналъ отъ нея то, что она пріѣхала въ Прагу изъ Чешскихъ Будеевицъ и что пробудетъ здѣсь всего нѣсколько дней. Разошлись, крѣпко пожавъ другъ другу руки.

На другой день Новакъ опять пошелъ на прогулку, но на этотъ разъ съ иной цѣлью: встрѣтить вчерашнюю дѣвушку.

Какъ онъ ее могъ узнать, будетъ ли она тамъ — Новакъ не зналъ, но въ глубинѣ души былъ увѣренъ въ томъ, что они встрѣтятся.

И если она заговоритъ съ нимъ первая, тогда онъ, Новакъ, будетъ вѣрить, кромѣ Жизни и Смерти еще и въ Судьбу.

Встрѣтились. Она издали узнала его и первая заговорила съ нимъ. При первыхъ же звукахъ ея бархатнаго голоса, Новакъ улыбнулся впервые съ того самаго момента, когда онъ ослѣпъ. Они снова сѣли на ту же самую скамейку, на которой сидѣли и вчера и заговорили о томъ о семъ, а потомъ перешли на сердечныя темы. Онъ не видѣлъ ея лица, но чувствовалъ его, какъ бы видѣлъ его духовнымъ взоромъ — красивой, нѣжной, съ голубыми глазами, съ длинными, роскошными волосами, тонкой и стройной. Ему нравилось, что она такая развитая, съ широкимъ и своеобразнымъ взглядомъ на жизнь, а главное, что Новака такъ сильно поразило — это глубина ея чувства по отношенію къ нему, та сердечная нѣжность, съ которой она говорила, все это вмѣстѣ взятое создало въ его душѣ какое-то отрадное, сильное волненіе. Собравъ все сказанное ей, Новакъ былъ еще болѣе пораженъ своимъ открытіемъ такой рѣдкой, замѣчательной натуры, какой была Лида Пелтанова. Въ его воображеніи до сихъ поръ, со дня несчастья, не было мѣста для женщинъ. Онъ о нихъ не думалъ, а иногда и мелькалъ передъ нимъ какой нибудь образъ знакомой дѣвушки, то онъ сейчасъ же старался гнать отъ себя все, что напоминало ему золотое время любви и невиннаго кокетства. Представляя себѣ Лиду, Новакъ видѣлъ совсѣмъ не то, что было на самомъ дѣлѣ.

Пелтановой было около тридцати лѣтъ. Лицо ея — длинное, почти безъ всякаго выраженія, съ морщинами вокругъ глазъ и рта, съ свѣтлыми волосами, наполовину чужими. Глаза ея были блѣдны, какъ бы выцвѣвшіе отъ яркаго солнца, никогда не загорающіеся ни огнемъ страсти, ни восторгомъ, ни злобой и лишь зависть могла разбросать въ нихъ чуть замѣтные искорки. Эти удивительные глаза, сдѣланные изъ стекла неумѣлымъ мастеромъ, съ синими кругами подъ ними, просвѣчивающіеся даже сквозь толстый слой пудры и опушенные рамкой бѣлыхъ вѣкъ и бѣлыхъ бровей — напоминали собой глаза неблагодарнаго животнаго, подрывающаго у дуба корни. Костюмъ ея — кофточка съ большимъ вырѣзомъ на тощей груди, короткая юбка и Богъ знаетъ когда и гдѣ сшитая — говорили о плохомъ вкусѣ.

Хорошій физіономистъ сразу же опредѣлилъ ей мѣсто среди тѣхъ, кому свое „я“ дороже всего на свѣтѣ. Но что ввело Новака въ искушеніе, это ея чудный бархатный голосъ, которымъ она умѣла пользоваться въ совершенствѣ.

IV.

Вскорѣ послѣ своего возвращенія въ Чешскіе Будеевицы, Лида написала слѣпому офицеру письмо, въ которомъ съ первыхъ же словъ начала жаловаться на скуку, на то, что ей теперь не хватаетъ разго-

воровъ съ нимъ, что она уѣзжала изъ Праги съ такимъ чувствомъ, какъ будто бы тамъ оставила самое дорогое изъ цѣлаго свѣта, что она должна влачить жалкое существованіе въ противномъ провинціальномъ городкѣ, много думать, но не имѣть человѣка, съ которымъ могла-бы поговорить по душѣ — это ужасно, несправедливо. Дальше разсуждала о дружбѣ мужчинъ и женщинъ и, хотя по опыту знала, что такой дружбы не можетъ быть, все-таки писала для краснаго словца, и онъ ей вѣрилъ, вѣрилъ какъ Богу.

Новакъ иногда цѣлыми ночами просиживалъ въ кожаномъ креслѣ, предаваясь сладкимъ мечтамъ о той, которая сама ему даетъ понять, что онъ — слѣпой офицеръ, калѣка — ей нравится. То, что онъ самъ былъ въ нее влюбленъ, Новакъ считалъ это вполнѣ естественнымъ, но вотъ она? Какъ его Лида могла полюбить? Неужели это правда? И когда сомнѣніе грызло его, тогда онъ подолгу придумывалъ темы писемъ къ ней, изъ которыхъ она могла бы видѣть его умъ, начитанность и оригинальность мыслей.

Цѣлыми днями онъ заставлялъ солдата читать ему книги — старыхъ авторовъ, классиковъ, и новѣйшихъ. Пустился даже за Канта, Гегеля, но долженъ былъ это оставить, такъ какъ солдатъ не умѣлъ читать ихъ и все время, чуть ли не на третьемъ словѣ — зѣвалъ.

Новакъ вѣрилъ тому свято, что сказала Лида на первомъ свиданіи съ нимъ:

„Для меня любовь духовная — высше любви плотской. Первая направляетъ человѣка, ведетъ къ идеалу, вторая топитъ его лучшіе мечты, губитъ ихъ въ зародышѣ, а поэтому могу скорѣй полюбить человѣка съ физическими недостатками, чѣмъ какого нибудь франта, красавца, но дурака или страшно пошлаго“.

Сѣть была заброшена удачно и Новакъ попался въ нее какъ заспавшійся карпъ.

Не привыкшій никогда притворяться, на этотъ разъ онъ старался быть передъ Лидой лучше, умнѣе, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Такая неискренняя игра была противна ему самому, но онъ извинялъ себя въ данномъ случаѣ тѣмъ, что у него въ жизни не осталось ничего свѣтлаго, радостнаго, а любовь Лиды была солнцемъ въ его жизни, она внесла надежду, она согрѣла сердце, взволновала кровь. Онъ дѣлился съ ней будующими планами, а она восторгалась ими и гордилась дружбой такого человѣка, какъ онь. Эта грубая лесть радовала его, давала силу къ созданію плановъ на романы и драмы, которыми онъ удивитъ всю Чехію, а можетъ быть и цѣлый свѣтъ. Сердце билось радостью въ душѣ жила надежда на свѣтлое будущее.

Однажды получивъ отъ Лиды надушенное какими то сильными

духами письмо, онъ не выдержалъ и прорвался потокомъ горячихъ словъ и признаній въ страстной, рабской любви къ той, которая вернула его къ жизни, которая первая узнала въ немъ человѣка, достойнаго дружбы, какъ она говорила и писала о ихъ отношеніяхъ, такой золотой женщины, какъ его Лида.

V.

Встрѣтившись съ своей подругой Маней, Лида не вытерпѣла и тутъ же, на улицѣ стала хвалиться ей своимъ счастьемъ но такъ, какъ только умѣютъ хитрыя женщины.

„Манечка, Манечка! Ахъ какая новость! Представь себѣ, что я получила письмо, въ которомъ мнѣ дѣлаютъ предложеніе".

Маня въ удивленіи открыла ротъ, но еще болѣе удивилась, что ея подругу проситъ о рукѣ слѣпой офицеръ, но очень умный, интеллигентный, а самое главное — богатый и уже славный среди лучшихъ круговъ чешскаго общества.

„Милая, не знаю что мнѣ дѣлать? — продолжала Лида, посовѣтуй какъ мнѣ быть? Принять предложеніе — боюсь, но мнѣ его такъ жалко, онъ такой несчастный, всѣми забытый и такъ сильно меня любитъ, что я, право, не знаю, на что рѣшиться".

Подруга, хорошо знавшая Лиду, откровенно сказала:

— По моему — ты ему въ жены не годишься. —

„Почему?

— Ты не обижайся, а выслушай меня.

„Я не только не обижаюсь, но наоборотъ — очень довольна, что узнаю отъ тебя"...

— Скажи мнѣ одно: какой это по счету мужчина, за котораго ты хочешь выйти замужъ?

„Но это предложеніе я обдумываю очень серьезно".

— А развѣ такое дѣло можно не обдумывать? Будешь помнить мои слова: если ты выйдешь за этого офицера — ты черезъ мѣсяцъ будешь несчастна сама, сдѣлаешь несчастнымъ и его.

„Не понимаю тебя, какъ ты можешь говорить о несчастіи, если у насъ такъ много общаго".

— Не забудь того, что, выйдя замужъ, ты приносишь страшную жертву, а развѣ ты можешь жертвовать безъ разсчета? А тамъ, гдѣ разсчетъ въ такомъ великомъ посвященіи себя другому, несчастному калѣкѣ — тамъ онъ принесетъ гибель, бурю, которая разрушитъ послѣднюю радость въ его жизни.

„Ты такъ говоришь, что...

— Я говорю правду — обидную, злую, но такую, которая хочетъ спасти и тебя и его отъ страшнаго несчастія. Вѣдь ты сама должна

сознаться въ одномъ, что ты кого-нибудь долго, сильно, любить не способна. Черезъ нѣкоторое время ты увлечешься инымъ, а твой мужъ, слѣпой, довѣрчивый, долженъ выносить всю твою ложь на своихъ плечахъ. Ты не только не будешь ему полезной, но даже наоборотъ — свяжешь своему офицеру руки и ноги. Ему нужна жена-нянька, жена-мученица, жена-святая, терпѣливая, ласковая, на самомъ дѣлѣ любящая, а не такая, какъ ты. Ему нуженъ хорошій другъ, не видящій его уродства, никогда, даже намекомъ, не давшій понять о принесенной жертвѣ — иначе онъ замучается. Ты знаешь, что у слѣпыхъ особенно развито чутье, которымъ онъ сразу можетъ понять все, на что другому потребовалось бы много времени.

Но это еще не все. Представь себѣ, что ты должна будешь водить его гулять, помогать ему за столомъ, дѣлать ему тысячи мелкихъ услугъ и т. д. Я тебѣ говорю: откажись отъ его руки.

„Но ему будетъ обидно!"

— Да, первое время, а послѣ онъ будетъ тебя благодарить.

Лида, обиженная, злая отъ горькихъ словъ Мани, простилась съ ней, пришла домой и сѣла писать письмо Новаку.

Она была обличена въ эгоизмѣ и чтобы доказать подругѣ обратное, а вмѣстѣ съ тѣмъ желая доказать и сама себѣ, что она дѣйствительно способна на жертвы, писала офицеру о своемъ согласіи быть его женой.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПЛАВЪ.

Фот. мин. совѣт. Кадлецъ.

А. В—въ.

Изъ біографіи Ю. И. Ставровскаго*).

Двадцать седьмого марта 1899 года по Лаборецкому округу, а оттуда и по цѣлой Угорской Руси разнеслась печальная вѣсть: *скончался Юлій Ивановичъ Ставровскій-Попрадовъ.*

Рыдали убитыя горемъ жена и дѣти надъ постигшимъ ихъ неожиданнымъ горемъ. Плакали родные, друзья и знакомые покойнаго и до самаго разсвѣта не спали крестьяне села Чертежа, оплакивая своего любимаго душепастыря.

Да и нельзя было не плакать: вѣдь со смертью Ю. И. Ставровскаго отошла въ вѣчность дорогая и свѣтлая личность писателя, поэта, философа, великаго идеалиста, проникнутаго горячей любовью къ своему бѣдному угнетенному народу.

Вмѣстѣ съ Ставровскимъ сошелъ замѣчательный русскій патріотъ, боецъ и народный будитель.

Съ покойнымъ ушелъ не только примѣрный мужъ, горячо любящій отецъ, нѣжный, искренній другъ, веселый, остроумный и деликатный собесѣдникъ, но и прекрасный, идеальный типъ священника. Со Ставровскимъ ушелъ одинъ изъ выдающихся проповѣдниковъ, его горячее слово, полное любви къ ближнему, напоенное ароматомъ его чистой души — производило на слушателей глубокое и потрясающее впечатлѣніе. Родившись среди простого народа, выростая среди народа и, наконецъ, служа ему, Ставровскій зналъ свой народъ въ совершенствѣ. Зналъ не только его внѣшнюю жизнь, но и цѣлый его внутренній міръ, зналъ не лишь слабыя стороны, но видѣлъ и прекрасныя, а потому, въ силу этихъ знаній, въ силу врожденнаго инстинкта прислушиваться къ чужому, хотя бы и маленькому горю, Ставровскій этими своими рѣдкими качествами сумѣлъ завоевать себѣ всеобщую любовь не только своихъ, но и окрестныхъ крестьянъ. Вотъ въ этой-то искренней любви къ нему и была скрыта огромная сила привязанности, кипѣвшая въ грудяхъ ввѣреннаго ему пряшевскимъ епископомъ, по желанію А. И. Добрянскаго, духовнаго стада.

И по нынѣ еще вспоминаютъ добрымъ словомъ крестьяне своего незабвеннаго друга-священника.

---

*) Изъ подготовленнаго къ печати о-мъ Духновича юбилейнаго сборника о Ставровскомъ.

Московскимъ „футуристамъ“.

(Маяковскому и др. завсегдатаямъ „Стойла Пегаса“).

Въ догонку за ними хромать не желаю,
Мнѣ взапуски съ ними не надо и гнаться,
Къ иному зову я крыластому раю
И „гаю-розмаю“ я пѣсни слагаю,
А съ ними — борзыми — мнѣ въ пору, съ измору,
Взмылясь, запыхаться...

Мы Родины ищемъ — они про „Розсѣю“,
Мы жаждемъ Осанны, они про Голгоѳу —
Отъ ихъ козлогласья, подобно Тиртею,
Я скорбно нѣмѣю и мрѣю-лелѣю
Въ хореяхъ-трофеяхъ Карпатской свирѣли
Напѣвную строфу...

Намъ гимны роятся, имъ любы частушки,
Въ разнуздьи-безглуздьи ихъ „будущность“ вѣка —
Намъ тракторы снятся, имъ танки и пушки,
И тлѣютъ гнилушки дырявой теплушки,
И чадомъ-распадомъ и въ станѣ баяновъ
„Звѣрятъ“ человѣка.

Пусть блестками брызжутъ ихъ фижмы паячьи,
И „облачно“ рдѣютъ „штаны“ арлекина,
Пусть млѣютъ кувалды подъ „буффы“ кабачьи —
Потуги ихъ рачьи и ржанья ишачьи
Пегаса съ Парнаса сманить не сумѣютъ
Въ міазмы овина.

Дм. Вергунъ.

Рига, 5 іюля 1921 г.

Д-ръ Дмитрій Марковъ.

Предшественники русской революціи*).

(Выдержки изъ исторіи русской революціи).

I.

Декабристы.

Александръ I принадлежалъ къ императорамъ, пользовавшимся въ Европѣ популярностью. Александръ I былъ, однако, популяренъ не лишь потому, что освободилъ Европу, завоеванную Наполеономъ, отъ французскаго имперіализма. Нѣтъ. Главную причину популярности Александра I надо искать въ его гуманитарныхъ взглядахъ на народъ и государство. Добрая половина царствованія Александра I состояла именно въ томъ, чтобы путемъ справедливаго и модернаго законодательства водворить въ Россіи правовой порядокъ и искоренить зло. Уже въ 1803 году изданъ былъ Александромъ I указъ, въ силу котораго закрѣпощеннымъ (панщиной) крестьянамъ дана была возможность путемъ откупа сдѣлаться свободными гражданами. Послѣ разгрома Наполеона, особенно-же послѣ вѣнскаго конгресса, вліяніе Александра въ Европѣ стало падать. Австрійскій министръ Метернихъ, авторъ т. зв. священнаго союза трехъ императоровъ, русскаго, прусскаго и австрійскаго — захватилъ политическое руководство въ Европѣ въ свои руки. Европа очутилась въ клѣщахъ крайняго абсолютизма, разные народы въ Европѣ, чуть ли не на $^1/_2$ столѣтія, сдѣлались рабами прусскаго штыка и нѣмецкаго бюрократизма. Престижъ Александра I въ Европѣ былъ прозѣванъ русской дипломатіей, очутившейся впослѣдствіи въ хвостѣ нѣмецкой дипломатіи. Самъ-то Александръ I, обезкураженный огромными жертвами, понесенными Россіей въ наполеоновскія войны, медленно устранился отъ европейской политики, онъ потерялъ охоту и къ правленію Россіей. Охваченный религіознымъ мистицизмомъ, Александръ предавался часто уединенію и цѣлыми мѣсяцами не интересовался государственными дѣлами. Государствомъ правилъ злой духъ Россіи, министръ Аракчеевъ, преклонявшійся передъ нѣмецкой бюрократіей и прусскимъ штыкомъ. Достаточно было бы, для характеристики аракчеевскаго режима, указать на нововведенія въ русской арміи, на наказаніе солдатъ „шпицрутами". Русскій историкъ Ровинскій, бывшій нѣсколько разъ очевидцемъ, описываетъ наказаніе солдатъ за времена Александра I слѣдующимъ об-

*) **Примѣч. редакціи:** Выдержки изъ исторіи русской революціи, переданныя правдиво и въ сжатомъ видѣ д-ромъ Дмитріемъ А. Марковымъ, выяснятъ читателямъ „Карпатскаго Края" многія событія и явленія въ соціальной и государственной жизни бывшей и настоящей Россіи.

разомъ: „1000 русскихъ солдатъ разставлены въ два ряда, лицомъ къ лицу, у всякаго въ рукѣ здоровенный прутъ, т. зван. „шпицрута“. Прутья — однако уже безъ листьевъ — еще колышутся въ воздухѣ. Вдругъ ведутъ обнаженнаго по поясъ солдата. Руки солдата привязаны къ двумъ прикладамъ (ружья), поддерживаемыми двумя другими солдатами. Это для того, дабы всякій ударъ прутьевъ попалъ въ плечо виновника — солдата. Сзади слѣдуетъ повозка съ гробомъ (трумна). Читаютъ приговоръ. Тамбуръ (барабанъ) ударяетъ — разъ, два и зеленыя прутья стегаютъ справа и слѣва нагое тѣло. Черезъ нѣсколько минутъ тѣло солдата покрывается широкими ранами, красными, синими, изъ ранъ сочится кровь...“ Братцы, милосердіе“ — раздается глухая просьба. Но милосердію нѣтъ мѣста, потому что солдатъ, который поролъ-бы своего товарища слегка, могъ самъ очутиться подъ ударами. Скоро все тѣло становится одной великой раной, свисаютъ кусочки человѣческаго мяса, живой трупъ съ выпученными глазами влачитъ свой жалкій крестъ. Но если солдатъ и рухнетъ отъ безсилія на земь, побои все равно продолжаются. Живой трупъ бросаютъ на возъ съ гробомъ и опять бьютъ, часто до смерти. Зависитъ отъ числа ударовъ...“ Въ 1819 году приговорено было за бунтъ противъ тѣхъ суровыхъ наказаній 2204 солдата. 273 изъ приговоренныхъ солдатъ должны были пройти по 6—24 раза ряды шпицрутовъ. Нашелся ли одинъ въ живыхъ изъ тѣхъ, которые прошли хотя бы лишь 10 разъ ряды шпицрутовъ, историкъ объ этомъ не упоминаетъ. Во всякомъ случаѣ, бунты въ полкахъ участились и послѣдній бунтъ гвардейцевъ отъ 17 октября 18.0 года былъ опять лишь протестомъ противъ тѣлесныхъ наказаній. Не мудрено, что аракчеевскій режимъ въ Россіи подъ конецъ царствованія Александра I былъ причиной первой революціи въ Россіи. Къ революціонерамъ примыкала главнымъ образомъ передовая часть петроградской интеллигенціи. Закрѣпощеніе русскаго мужика, безпросвѣтнаго, прибитаго нуждой, революціонный духъ, занесенный изъ Фран іи русскимъ офицерствомъ, углубляли пропаганду по всей Россіи. Подъ конецъ царствованія Александра, сотни видныхъ дѣятелей сдѣлались активными членами тайныхъ революціонныхъ обществъ, вліяніе которыхъ распространялось и на югъ Россіи. 14 декабря 1825 года вспыхнула въ Петроградѣ революція подъ руководствомъ полковника Пестеля. Планъ Пестеля и товарищей—провозгласить въ Россіи конституцію и низложить династію, былъ подавленъ юнымъ, но энергичнымъ и безпощаднымъ царемъ Николаемъ I. Главные участники, въ большинствѣ гвардейскіе офицеры, числомъ 121 приговорены были къ каторгѣ. На висѣлицѣ погибли знаменитые писатели Рылѣевъ, Бестюжевъ-Рюминъ, затѣмъ Муравьевъ, Каховской и глава революціи,

полковникъ Пестель. Передъ судомъ заявилъ другъ Пушкина, Рылѣевъ вотъ что: „Я все могъ пріостановить, но я не пожелалъ. Я главный виновникъ, я главнымъ образомъ приспѣшилъ революціонную вспышку. Если кто долженъ висѣть, такъ это я. *Мой горячій патріотизмъ, любовь моего народа могли меня увлечь, но я не руководился личными интересами и поэтому я безъ боязни пойду на плаху — за Россію, за народъ!..*“

II.

Герценъ, Чернышевскій, Писаревъ.

Послѣ подавленія военнаго бунта декабристовъ, революціонное движеніе въ Россіи на время притихаетъ. Оно переносится въ 40-хъ годахъ за границу и ея первымъ представитеяемъ за границей является знаменитый русскій публицистъ Герценъ. Программа Герцена заключается въ двухъ словахъ: „*Земля и воля*“. Герценъ отстаиваетъ послѣдовательно освобожденіе закрѣпощеннаго барщиной крестьянства, онъ за надѣленіе крестьянства съ вознагражденіемъ помѣщиковъ, онъ за политическую свободу гражданъ Россіи, онъ противъ ненужнаго милитаризма, но въ то-же время за самоуправленіе (selfgouvernement) и децентрализацію неуклюжей администраціи. Свои революціонныя мысли проводитъ Герценъ главнымъ образомъ въ издаваемомъ имъ журналѣ „Колоколъ“, извѣстномъ и широко распространенномъ въ Европѣ и въ Россіи. Несмотря на строгую цензуру, „Колоколъ“ Герцена былъ въ Россіи настольной книгой русской интеллигенціи, не исключая высокихъ чиновниковъ и самаго царя. По сообщеніямъ современниковъ, „Колоковъ“ попадалъ въ пріемную, нерѣдко въ рабочій кабинетъ императора Александра II. Разъ какъ-то найдено въ санкахъ Александра II нѣсколько номеровъ „Колокола“, подброшеннаго туда неизвѣстнымъ, но видно отважнымъ „почтальономъ“. При дворѣ и въ канцеляріяхъ правительственныхъ учрежденій читали „Колоколъ“ отъ начала до конца главнымъ образомъ потому, чтобъ изъ этого, за границей издававшагося журнала узнавать подноготную того, что происходило въ Россіи. Губернаторы и полицейскіе чины находили въ „Колоколѣ“ нерѣдко свой политическій портретъ и не очень лестную, административную біографію, полную злоупотребленій, взятокъ и т. п. „Колоколъ“ гремѣлъ по всѣмъ угламъ Россіи, на однихъ онъ наводилъ страхъ, для другихъ составлялъ удовольствіе. Въ немъ отражалась подлинная Россія съ ея соціальными нуждами, неумнымъ и жестокимъ, автократичнымъ режимомъ, въ немъ находила передовая часть русской интеллингенціи желанный уголокъ, въ которомъ отстаивала и правопорядокъ и національную свободу Россіи. Звѣзда Герцена поблекла

въ 1863 году, вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшена была судьба и его журнала. Горячее выступленіе Герцена въ пользу поляковъ въ пору польскаго возстанія въ 1863 году, отвернуло отъ него симпатіи русскаго общества. Мѣсто Герцена занимаетъ его современникъ Н. Г. Чернышевскій. Романъ Чернышевскаго „Что дѣлать“, въ коемъ изображены мысли французскихъ соціалистовъ Saint-Simon-а и Fourrier-а становится евангеліемъ русской молодежи обоего пола. Нѣкто Костомаровъ доноситъ на Чернышевскаго, послѣдній попадаетъ за революціонную пропаганду на долгіе годы въ тюрьму и затѣмъ въ Сибирь.

Къ современникамъ Герцена и Чернышевскаго, для которыхъ терроръ и бунтъ не были революціонной азбукой, слѣдуетъ причитать выдающагося теоретика русской революціи, Д. Н. Писарева. Но въ то время какъ Чернышевскій и даже Герценъ, все таки допускаютъ мирную эволюцію прогресса, Д. Н. Писаревъ въ своихъ теоретическихъ выводахъ порываетъ съ традиціей, онъ становится проповѣдникомъ абсолютнаго отрицанія и разрушенія всего минувшаго строя. Его типъ, это извѣстный Базаровъ въ тургеневскомъ романѣ „Отцы и дѣти“. Базаровъ вѣритъ лишь въ чистый разумъ (raison) и позитивную науку. Теорія Писарева о единственно спасительномъ и разумномъ матеріализмѣ (въ духовномъ значеніи!), его статьи о Дарвинѣ, Молешотѣ перевернули совершенно мозги тогдашней молодежи, извѣстной въ то время подъ кличкой „нигилисты“. Писаревъ проповѣдывалъ безъ оговорки вотъ что: „Что можно разрушить, уничтожить — надо разрушать, уничтожать. Все что выдержитъ ударъ — хорошо; что разлетится въ дребезги, это все равно пыль. Бей вправо, бей влѣво, отъ этого худа не будетъ...“ Такимъ образомъ, становится проповѣдь о единственно разумной матеріи, о матеріализмѣ въ пылкихъ умахъ молодежи всемогущей силой, передъ которой долженъ уступить всякій идеализмъ, все духовно цѣнное, красивое и возвышенное. Не даромъ говоритъ нигилистъ Базаровъ, что міръ — это лабораторія и что сапожникъ выше Рафаеля — съ его картинами и его геніальнымъ искусствомъ. Несмотря, однако, на абсолютное отрицаніе построеннаго вѣками правопорядка, Писаревъ самъ не былъ ни террористъ, ни активный революціонеръ. Онъ лишь подготовилъ почву для тѣхъ революціонныхъ и активныхъ дѣйствій, на которыя долго ждать не пришлось...

III.

М. А. Бакунинъ — батько русской революціи.

Болѣе ясны и опредѣленны контуры будущей революціи у М. Бакунина. Его революціонная пропаганда продолжалась 1/2 столѣтія, она побезпокоила всю Европу. Своеобразная жизнь и неугомонный харак-

леръБакунина имѣли часто отпечатокъ авантюристическій. По происхожденію дворянинъ, по профессіи артиллерійскій офицеръ, революціонеръ Бакунинъ отказался добровольно отъ удобной и пріятной жизни. Въ 1845 году онъ оставляетъ Россію и отправляется въ Парижъ. Здѣсь участвуетъ Бакунинъ вмѣстѣ съ выдающимися въ то время соціалистами въ событіяхъ февральской революціи. Отъ преслѣдованій полиціи спасается Бакунинъ бѣгствомъ въ Германію, оттуда въ Австрію. Въ Прагѣ, какъ разъ въ это время собирался первый славянскій конгрессъ. Бакунинъ принимаетъ въ немъ участіе, онъ знакомится съ представителями славянъ, между ними и съ бывшими представителями Галицкой Руси. Вспыхнувшая повсемѣстно въ Австріи революція положила конецъ совѣщаніямъ славянъ. Въ Прагѣ выступила вооруженная царская армія подъ командой генерала Виндишгреца, на улицахъ города появились барикады — „для защиты народныхъ свободъ“. Бакунинъ участвуетъ дѣятельно въ устройствѣ вооруженнаго сопротивленія; первый выстрѣлъ въ императорскія войска палъ, по словамъ очевидцевъ, изъ рукъ славянскаго революціонера, Бакунина. Лѣтомъ 1848 года Бакунинъ опять въ Германіи, въ Вроцлавѣ, затѣмъ въ Берлинѣ. Изъ Берлина разсылаетъ Бакунинъ свое знаменитое воззваніе къ угнетеннымъ славянскимъ народамъ. За его голову назначено 10.000 прусскихъ талеровъ. Бакунину приходится изъ Германіи бѣжать. Онъ является въ Дрезденѣ, въ Саксоніи, гдѣ еще кипитъ революція. Нѣмецкіе жандармы, прельщенные наградой въ 10.000 талеровъ, обнаруживаютъ мѣстопребываніе Бакунина и отводятъ закованнаго въ цѣпи, въ военные казематы. Бакунина приговариваетъ саксонскій военный судъ къ смертной казни. Смертный приговоръ не былъ, однако, исполненъ, ибо Австрія затребовала выдачи Бакунина. Въ Австріи съ концемъ 1849 года повторяется та-же самая исторія. Бакунина держатъ въ градчанскихъ казематахъ въ Прагѣ подъ судебнымъ слѣдствіемъ и приговариваютъ опять къ смертной казни. Помилованный новымъ австрійскимъ императоромъ къ пожизненной тюрьмѣ, Бакунинъ отбываетъ свое наказаніе въ Оломуцкой крѣпости, въ Моравіи. Прикованный къ стѣнѣ каземата переноситъ онъ съ рѣдкимъ стоицизмомъ тяжелую тюрьму въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Въ 1851 году, на требованіе русскихъ властей выдать Бакунина Россіи, Бакунина сажаютъ въ русскую тюрьму, гдѣ онъ безъ перерывовъ томится до 1857 года. Въ этомъ году ссылаютъ Бакунина на поселеніе въ Сибирь. Въ началѣ 1861 года Бакунинъ пробирается пѣшкомъ (700 англ. миль) въ Приамурскую область, оттуда въ портъ Николаевскъ. На японскомъ пароходѣ ему удается пробраться въ Америку. Съ концемъ 1861 года Бакунинъ счастливо добрался до Лондона и

сталъ здѣсь сотрудничать въ журналѣ Герцена „Колоколъ“. Герценъ характеризуетъ въ то время Бакунина очень рельефно: „Несмотря на своихъ 50 лѣтъ Бакунинъ по прежнему тотъ-же голякъ-студентъ московскаго университета, какимъ мы его знали въ Москвѣ, тотъ-же беззаботный бѣднякъ парижскихъ бульваровъ, какимъ мы его въ 40-хъ годахъ встрѣчали въ Парижѣ. Не заботясь о томъ, что принесетъ завтрашній день, онъ презираетъ монету, бросаетъ налѣво, направо, когда она у него есть, занимаетъ справа налѣво, когда ея у него нѣтъ. Будетъ ли заемъ вѣрителю возвращенъ, Бакунинъ не очень старается. Роскошь, которую позволяетъ себѣ Бакунинъ, это табакъ и чай. Другую роскошь жизни Бакунинъ не признаетъ и у него ея нѣтъ. Онъ настоящій скиталецъ-номадъ, великій бродяга и босякъ. Если-бы кто нибудь спросилъ его, что онъ думаетъ о правѣ собственности, Бакунинъ — подобно Лаланду, отвѣчавшему Наполеону на запросъ о существованіи Бога — сказалъ бы: Sire, при моемъ занятіи у меня нѣтъ нужды и надобности знать и знакомиться съ подобнымъ правомъ (собственности). Бакунинъ самъ по себѣ былъ скромный человѣкъ, но своебразная личность, могущественный взглядъ и его сильная индивидуальность не могли никому быть безразличными. Въ немъ бушевала безконечная, его всего поглощавшая энергія, его дѣятельность не знала покоя, она никогда не была удовлетворенной. Въ Бакунинѣ заложена была энергія агитатора, сила проповѣдника, трибуна, солдата и вмѣстѣ съ тѣмъ шефа-предводителя партіи. Поставьте его между крайними — какъ анабаптистъ, якобинецъ, пріятель политическихъ бунтовщиковъ Граха, Бабефа, Бакунинъ порвалъ бы за собой народныя массы, онъ предрѣшилъ бы судьбу народовъ. Бакунинъ сохранилъ на чужбинѣ всѣ привычки и обычаи своей родины, т. е. привычки стараго московскаго студента: кучи табаку на столѣ, на бумагѣ пепелъ отъ сигаръ и папиросокъ, на полу недопитые стаканы чаю. Съ ранняго утра комната Бакунина задымлена отъ куренія раннихъ ея посѣтителей. Ихъ было иногда дюжина — двѣ и курили они очень много, больше кажется для того, дабы перещеголять одинъ другого въ области куренія. Такъ курить умѣли лишь славяне. Это занятіе прерывалось чаепитіемъ и горячими преніями о судьбахъ народовъ. Часто даже за полночь. Въ дискуссіяхъ побивалъ рекордъ хозяинъ дома. Бакунинъ былъ въ состояніи говорить цѣлыми часами и днями и то со всякимъ. И съ очень умнымъ или тупымъ и въ дѣлахъ неосвѣдомленнымъ. Отъ этого происходили не разъ во время дискуссіи смѣшныя сцены и недоразумѣнія“.

Бакунинъ типичный революціонеръ — интернаціоналистъ. Онъ былъ иниціаторомъ или основателемъ самостоятельныхъ, на первыхъ

порахъ тайныхъ секцій Интернаціонала въ Англіи, Франціи, Белгіи, Швейцаріи, Италіи и Испаніи. Онъ не желаетъ подчинить своихъ крайнихъ взглядовъ диктатурѣ международныхъ соціалистовъ. Въ вопросѣ рѣшенія судебъ международнаго пролетаріата Бакунинъ остался Бакунинымъ. Эта, строго выдержанная индивидуальность и недружелюбное отношеніе къ Германіи, были причиной недопущенія его на конгрессъ Интернаціонала въ Гаагѣ, въ 1872 году, на предложеніе главарей нѣмецкихъ соціалистовъ былъ Бакунинъ большинствомъ голосовъ отъ участія въ гаагскихъ совѣщаніяхъ исключенъ. Свои революціонныя идеи распространилъ Бакунинъ по всей Европѣ путемъ безчисленныхъ изданій, брошюръ и летучекъ, бывшихъ въ то время въ модѣ во всей Европѣ. Въ брошюрѣ „Муравьевъ, Пугачевъ или Пестель“ Бакунинъ предсказалъ неизбѣжность революціи въ Россіи, онъ взываетъ царя Александра II принять участіе въ соціальной революціи отставшей Россіи. „*Иначе Государь безъ Тебя и противъ Тебя пойдетъ народная революція*“...

Ученіе Бакунина было принципіально анархистическое. Анархизмъ Бакунина чисто революціоннаго характера. Подобно французскому соціалисту Прудону, Бакунинъ не признаетъ государства, но въ своемъ отрицаніи идетъ до крайностей, т. е. онъ за уничтоженіе современныхъ государствъ. Несмотря однако на то, что главная цѣль Бакунина уничтожить всякую государственность и вызвать всеобщую революцію, онъ все таки допускаетъ возможность колективизма. Общность производительныхъ орудій труда должна по теоріи Бакунина, примѣняться во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго труда (земля, рудокопы, фабрики, заводы, машины). Это главнымъ образомъ для того, дабы разстроить дотеперешнее соціальное устройство, построенное на привилегіяхъ богатыхъ классовъ во вредъ безземельной и безработной бѣдноты. Лишь благодаря этой уступкѣ Бакунина въ сторону соц. колективизма, анархизмъ его теряетъ свое первоначальное значеніе (разореніе дотеперешняго соц. устройства), онъ имѣетъ характеръ болѣе соціальный, чѣмъ теоретическій (анархію и разореніе). Эту уступку въ теоріи анархизма дѣлаетъ Бакунинъ опять лишь для того, дабы тѣмъ скорѣе разложить настоящій соціальный и политическій строй. У Бакунина это лишь тактика, средство къ цѣли, ко всемірной революціи.

Но создать планъ будущаго устройства ему не удалось. Бакунинъ не оставилъ въ этомъ отношеніи ничего, что могло-бы указывать на конкретную политическую или соціальную форму будущаго общества. Объ этомъ Бакунинъ не заботился. Своимъ современникамъ, революціонерамъ указалъ онъ лишь на единственную цѣль дѣятельности — уничтоженіе современнаго соціальнаго и государственнаго порядка

предоставляя задачу строительства новой жизни народовъ будущему поколѣнію. Для этой цѣли т. е. разоренія (destruction) онъ допускаетъ революціонныя манифестаціи народныхъ массъ, ровно какъ и *терро-ристическія дѣйствія* противъ угнетателей народовъ. Но такъ какъ терроръ и народные бунты нуждаются въ организаціи, Бакунинъ довольствуется тайными конспираціями, тайными революціонными обществами съ ихъ желѣзной дисциплиной и централизаціей. Политическое вѣроисповѣданіе Бакунина передаетъ, со словъ послѣдняго, біографъ Бакунина Андерсонъ слѣдующимъ образомъ: „У насъ нѣтъ отчизны. Наша отчизна, это всемірная революція. Общій нашъ врагъ -- это господство надъ угнетенными, въ какой-бы формѣ оно ни проявлялось. Мы хотимъ создать свободный міръ, свободное человѣчество — на основахъ труда, равноправія и солидарности всего человѣчества. Мы считаемъ необходимымъ: 1. Уничтоженіе политическихъ, религіозныхъ, юридическихъ, экономическихъ и соціальныхъ учрежденій настоящаго буржуазнаго устройства. 2. Созданіе независимой и вполнѣ свободной организаціи свободныхъ, народныхъ массъ — на мѣсто разоренныхъ организацій современныхъ правительствъ. Въ нашемъ стремленіи къ революціи мы становимся врагами всего, что такъ или иначе поддерживаетъ настоящій порядокъ, мы враги всѣхъ тѣхъ, кто сейчасъ руководитъ и господствуетъ надъ массами. Мы тоже противны *революціоной диктатурѣ провизорическаго правительства.* Мы убѣждены, что провизорическая, революціонная диктатура кончится также, т. е. измѣнитъ народы, она пожелаетъ укрѣпить свое господство въ народѣ навсегда. Лишь народы, какъ таковые призваны дѣлать революцію! Настоящая революція это та, которая происходитъ въ народѣ и изъ народа. Всякая власть помимо и надъ народомъ, враждебна народу. Мы вѣримъ въ чутье народныхъ массъ и мы понимаемъ революцію какъ организованный взрывъ народныхъ, революціонныхъ страстей, какъ уничтоженіе всего, что на языкѣ буржуевъ называется соціальнымъ порядкомъ. Мы признаемъ анархію, какъ выраженіе житья и чаяній народа. Анархія — черезъ — свободу установитъ равноправіе всѣхъ, съ организаціей свободнаго труда — какъ основой правопорядка. Касательно Россіи наша программа ясна: 1. Мы требуемъ, чтобы земля русская была собственностью народа, чтобы ни одинъ мужикъ не былъ лишенъ участка русской земли. 2. Мы требуемъ автономіи (selfgouverment) общины, волости, уѣзда, провинціи, земствъ), государства, устраненіе бюрократической централизаціи и замѣщеніе послѣдней федераціей областей, провинцій. 3. Мы желаемъ, чтобы Польша, Литва, Финляндія, Латвія и народности Кавказа получили право самоопредѣленія т. е. національной автономіи. 4. Мы за *феде-*

ративный, братскій союзъ съ Польшей, Литвой, балтійскими областями и народностями Кавказа. Мы готовы ихъ защищать противъ всякаго насилія и всякихъ враговъ, особенно противъ Германіи“. Біографъ Андерсонъ отмѣчаетъ, что Бакунинъ стремившійся къ всеобщей революціи и всемірному разоренію, въ виду Россіи онъ оставался все таки націоналистомъ. „Нѣтъ“ — заявляетъ Бакунинъ Андерсону — „въ Россіи есть одинъ (государственно) недѣлимый народъ, только онъ самъ въ состояніи разобраться въ положеніи. Народъ русскій знаетъ своихъ друзей и у него больше государственнаго смысла, чѣмъ у дворянъ, воспитанныхъ, какъ знаемъ въ лѣнтяйствѣ и разгулѣ. Не безпокойтесь! Областная автономія и федерація не разорвутъ цѣлости русской земли. Автономія областей лишь административнаго характера, она можетъ касаться лишь внутренняго законодательства, юридическаго, не политическаго. *Въ русскомъ народѣ* — подобно какъ у французовъ — *заложено глубоко чувство національнаго величія и государственнаго единства*“... Изъ тѣхъ словъ Бакунина проскальзываетъ горячая любовь къ русскому народу и Россіи, Бакунинъ, какъ видимъ, остался все-же въ своей душѣ *русскимъ націоналистомъ, русскимъ патріотомъ. Онъ горячо любилъ Россію, онъ сочувствовалъ славянамъ.* Самъ-то Бакунинъ воспитывался на нѣмецкой филоссофіи, онъ часто въ революціонное время 40 годовъ бывалъ въ Германіи — несмотря однако на то, сердце его льнуло къ славянамъ. „*Славянскіе народы*“ — писалъ Бакунинъ — „*полны силы, остроумія, таланта*“, *славяне молодая раса, не тронуты, не испорчены, они готовы стать во главѣ человѣческаго возрожденія.* Чтобы успѣть, надо посмѣть, необходима отвага для того, дабы встряхнуть и низвергнуть міровое иго, искусственное, паразитское иго, которое ему (славянству) ничего не дастъ, ничего не сулитъ“. Послѣднія слова относились къ Австріи, какъ разъ въ то время воевавшей съ необъединенной Италіей. *О Пруссіи и прусскомъ государствѣ Бакунинъ отзывался съ презрѣніемъ.* Въ книжкѣ „Государство германскаго кнута“ онъ попрекаетъ даже прусскихъ рабочихъ за ихъ подхалимство. „Даже въ пѣсняхъ прусскихъ рабочихъ слышишь вѣчный рефрэнъ — „слава, мощь и величіе“. Ни словечка о свободѣ, эмансипаціи трудового народа, о благородномъ развитіи и воспитаніи человѣчества. Не мудрено! Всякій знаетъ, что въ настоящей Германіи красивые цвѣты не ростутъ, вмѣсто того процвѣтаетъ величіе и мощь прусскаго кнута“...

Эта русско-славянская черта Бакунина появилась въ полномъ размахѣ въ Австріи, во время революціоннаго движенія въ 1848 году, въ Прагѣ. Бакунинъ сразу понялъ положеніе и стоимость Австріи, которая, чуть ли не полъ вѣка, благодаря режиму Метерниха, счита-

лась въ Европѣ въ то время тюрьмой народовъ. Бакунинъ полюбилъ славянъ — не потому, что ихъ представители на конгрессѣ въ Прагѣ (1848) возлагали свои надежды на будущую славянскую, но въ то же габсбургскую Австрію. Нѣтъ... Бакунинъ отнесся къ австрійскимъ славянамъ какъ братъ и какъ піонеръ свободы угнетенныхъ народовъ. Онъ не могъ не видѣть, въ какомъ ужасномъ положеніи находились славяне въ 1848 году, въ какой нуждѣ стоналъ закрѣпощенный нѣмецко-мадьярскими помѣщиками славянскій людъ. Это и было главнымъ стимуломъ его горячаго интереса къ дѣлу австрійскихъ славянъ. Барикады въ Прагѣ были дѣломъ Бакунина, онъ порвалъ въ послѣдній моментъ — несмотря на предостереженія Фр. Палацкаго — за собой учащуюся пражскую молодежь. На барикадахъ въ Прагѣ полилась впервые славянская кровь, какъ знакъ общности духа и политическихъ интересовъ. Потому и былъ Бакунинъ долгое время идоломъ чешской учащейся молодежи. Впрочемъ, имя Бакунина понынѣ вспоминается съ почетомъ въ чешской политической наукѣ, подготовлявшей медленно, но вѣрно, освобожденіе чешскаго народа. Это освобожденіе не проходило методы Бакунина. *Путемъ организаціи и духовнаго возрожденія народныхъ массъ, подготовлялся медленно чешскій народъ къ политической свободѣ.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

На зарѣ.

Ночью выйдешь въ старый садъ
весь затканный паутиной
легкихъ грезъ и лѣтнихъ сновъ.
С. В. Завадскій.

Старый садъ на зарѣ просыпался,
пѣлъ свой утреннній гимнъ на зарѣ.
Лучъ огнемъ золотымъ зажигался
въ золотистой сосновой корѣ.

Вѣчно хмурыя сосны да ели
провожали туманную ночь;
Тѣни синія встрѣтить не смѣли
темной ночи красавицы дочь.

Лѣтней ночью въ немъ листья шептались,
загорались огни свѣтляковъ,
и цвѣты говорили съ цвѣтами
потаенныхъ лѣсныхъ уголковъ.

Въ глубинѣ на заросшей тропинкѣ,
гдѣ косматыя ели сошлись,
заплелись-расплелись прутинки
въ блѣдныхъ сумеркахъ, въ звѣздной пыли.

Старый садъ на зарѣ просыпался;
Полосой забѣлѣлся разсвѣтъ,
а я ждалъ, поджидалъ, не дождался
и ушелъ по росистой травѣ.

Пронинъ.

Григорій Махайловичъ Медвѣцкій.

Единство русскаго языка въ его нарѣчіяхъ.

(Составлена на основаніи работы, главнымъ образомъ профессора Б. М. Ляпунова — подъ аналогичнымъ же названіемъ. Опасаясь же искаженія смысла и дорожа учеными выводами, авторъ счелъ для себя необходимымъ, для болѣе точнаго и рельефнаго изображенія, многія мысли формулировать просто словами профессора Б. М. Ляпунова).

Научная литература по „особому украинскому языку“ пополняется все новыми и новыми грамматиками. Ихъ составляютъ съ одной стороны галиційскіе ученые, съ другой — нѣкоторые русскіе; изъ послѣднихъ это либо невѣжественно мечтающіе о министерскихъ портфеляхъ — креслахъ „Соборной Украины“, или же стремящіеся къ профессорскимъ кафедрамъ, какъ напр. учитель Огіенко и прочіе.

Много меньше посвящаютъ своего вниманія и русскіе ученые столь большому вопросу. Тѣмъ не менѣе, нельзя не отмѣтить ряда книгъ, на которыхъ ни „украинцы“, ни, того печальнѣе, и русскіе до сихъ поръ своего вниманія не остановили. Къ числу такихъ книгъ прежде всего стоитъ отнести книги профессора харьковскаго университета *И. И. Замотина* подъ названіемъ „Единство русскаго народа“ и замѣчательнѣйшая книжечка профессора *Б. М. Ляпунова* („Единство русскаго языка въ его нарѣчіяхъ“, Одесса, 1919 г.), этого выдающагося

слявиста нынѣшняго времени, пок. *П. А. Заболотскаго* „Русскiй литературный языкъ“, Нѣжинъ, 1918 г., рядъ книгъ профессора *Ю. А. Яворскаго* („Русскiй языкъ“, Львовъ, 1923 г.) и мн. др.

„Украинская“ языковая литература пополняется книжками, содержанiе которыхъ, за малымъ исключенiемъ, стремится къ тому, чтобы доказать самостоятельность „украинскаго языка“ и черезъ это и самостоятельность народа. „Украинскiе ученые“ стремятся къ тому, чтобы единый русскiй организмъ расчленить на части — они уже давно перестали довольствоваться тѣмъ, что нѣкоторые русскiе гуманисты примирились съ хозяйствомъ этого языка въ простонародномъ провинцiальномъ обиходѣ, признавая его въ пѣсняхъ, „думахъ“, и рѣже, въхудожественныхъ произведенiяхъ. Они вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно забываютъ, что судъ исторiи своимъ суровымъ приговоромъ пригвоздитъ ихъ въ свое время къ позорному столбу. Результатъ ихъ варварской работы еще не собранъ — но предвидѣть, заглядывая въ будущее временъ, мы можемъ — какъ печальна участь этихъ покорныхъ слугъ покойной Австро-Венгрiи и раскалывающейся Германiи.

О такъ называемомъ „особомъ русскомъ языкѣ“ совершенно точно еще въ 1882 году — по вопросу статьи де-Пуля („Вѣстникъ Европы“, май 1882 г., т. III, стр. 436 и слѣд.), акад. Пыпинъ, котораго нельзя заподозрить въ пристрастiи, писалъ: — „чистый народный малорусскiй языкъ, можетъ быть выдержанъ *развѣ только* въ поэзiи и беллетристикѣ, въ повѣстяхъ изъ народнаго быта и т. п., но онъ (малорусскiй языкъ) оказывается *недостаточнымъ* въ литературѣ *научной* и *политической*, какъ и для *поэтическихъ* произведенiй болѣе *сложнаго* содержанiя“.

Совершенно на мѣстѣ было бы напомнить, что А. Пыпинъ (крупнѣйшiй литературный историкъ, которому часто приписываютъ украинофильскiя тенденцiи — по поводу украинофиловъ писалъ: — „другая сторона (т. е. украинофилы) полагая, что *ведетъ* чисто народное дѣло, доходитъ *до крайности*, проповѣдуя отдѣльность и исключительность южнорусскаго племени, отвергая солидарность съ русской литературой и *давая фантазiи гораздо больше мѣста, чѣмъ слѣдуетъ по положенiю. Вопросъ о малорусскомъ языкѣ касается въ настоящее время малорусскаго простонародья и тѣсно связывается съ мыслью объ умственномъ развитiи этого простонародья, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ потребностью этнографiи, изслѣдовать и изучить исторiю замѣны общерусскаго культурнаго языка, какимъ то инымъ* **искусственнымъ.** („Вѣстникъ Европы“, стр. 436, май 1882, т. III). — Нѣсколько позднѣе профессоръ кiевскаго университета, извѣстнѣйшiй въ славянскомъ научномъ мiрѣ филологъ, вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ первыхъ ученыхъ этнографовъ,

Т. Д. Флоринскій (недавно убитый въ Кіевѣ) въ 1909 году обратилъ свое вниманіе на необыкновенно ненормальное явленіе среди „украинофильствующихъ“. Его прозорливый глазъ предвидѣлъ столь печальную картину нынѣшняго положенія. Еще тогда проф. Флоринскій въ книгѣ — „малорусскій языкъ и украинскій сепаратизмъ“, СПБ. 1900 г. — давалъ чрезвычайно точныя опредѣленія этому движенію. Далѣе въ 1907 году акад. *А. И. Соболевскій* въ необычайно цѣнной книжкѣ — „Русскій народъ какъ этнографическое цѣлое“ (Харьковъ 1907), наконецъ, задолго до картинъ нынѣшняго дня — проф. *Ивановъ*, пренебрегая научнымъ этикетомъ, просто смотрѣлъ опасности въ глаза и предупреждалъ какъ русскій ученый міръ, такъ и правительство, въ своей неоцѣнимой пророческой книжкѣ — „Забавны-ли хохлацкіе зимыслы?“ — Почти одновременно и извѣстнѣйшій писатель *К. С. Аксаковъ* въ украинофилахъ видитъ *„зло и опасность“* и объ этомъ открыто и съ не меньшей убѣдительностью открываетъ глаза многимъ.

Отвѣчая на вопросъ, *„что такое русскій языкъ?“* — профессоръ Ляпуновъ по послѣднимъ даннымъ науки объясняетъ одновременно и несостоятельность „украинскаго языка“ и воочію показываетъ предательскую работу украинофиловъ и въ наукѣ и въ политикѣ. Вооруженный всецѣло и глубоко провѣренными наукой данными, онъ отвѣчаетъ: — „прежде всего это языкъ обычно употребяемый въ рѣчи образованныхъ классовъ, въ правительственныхъ учрежденіяхъ русскаго государства, обработанный литературными и учеными русскими, изучаемый въ русскихъ школахъ, т. е. съ одной стороны *„обще-русскій“* разговорный, съ другой — русскій государственный и литературный. Такой языкъ имѣетъ своимъ идеаломъ единство, достигаемое до извѣстной степени путемъ школы, по крайней мѣрѣ, въ книгѣ, но всегда страдающее невольными отступленіями въ живой рѣчи. Эти послѣднія объясняются тѣмъ, что *„русскій языкъ“* долженъ быть понимаемъ и въ другомъ смыслѣ, а именно, какъ живой языкъ многомилліоннаго, искони русскаго, такъ и усвоившаго себѣ его путемъ воспріятія русской культуры инородческаго населенія. Этотъ живой въ своей внѣшней формѣ, т. е. звукахъ, формахъ склоненія и спряженія, и въ словарѣ, тѣмъ болѣе разнообразномъ, чѣмъ менѣе носители его подвержены вліянію русскаго литературнаго языка, чѣмъ менѣе они грамотны. Этотъ живой языкъ слышится и произносится на огромномъ пространствѣ большаго русскаго государства въ Европѣ и въ Азіи, и за предѣлами его въ восточной Галиціи, сѣверо-восточной Венгріи (нынѣ Карпатской Руси М. Гр.) и сѣрерной Буковинѣ, мѣстами сплошь (въ особенности въ центральной Россіи, въ басейнахъ верхней Волги, Оки, Дона, Днѣпра и др.), мѣстами рядомъ или среди иноязычнаго на-

селенія, лишь частью воспринимающаго кромѣ своей родной и русскую областную и государственную рѣчь (въ особенности въ Сибири, сѣвѣро-восточныхъ, восточныхъ и сѣверо-западныхъ губерніяхъ Европейской Россіи, Бессарабіи, на Кавказѣ, въ Крыму и въ средней Азіи). Согласно только что сказанному, этотъ слышимый на большомъ пространствѣ живой русскій языкъ неграмотнаго населенія, естестественно, какъ и всякій живой языкъ, распадается на множество говоровъ, которые по большему или меньшему сходству между собою могутъ быть объединяемы въ группы, называемыя обычно нарѣчіями. Такимъ образомъ, *языкъ* мы дѣлимъ: на нарѣчія, нарѣчія — на поднарѣчія, поднарѣчія на говоры.

Необходимо замѣтить, что какъ русскій народъ вмѣстѣ съ болгарами, сербо-хорватами, словенцами, чехами, словаками, поляками, кошубами и лужичанами составляютъ одну группу народовъ славянскихъ, такъ и русскій языкъ вмѣстѣ съ языками указанныхъ народовъ, входитъ въ большую группу языковъ славянскихъ. Сходство славянскихъ якыковъ между собою тѣмъ большее, чѣмъ глубѣе вглубь вѣковъ проникаетъ наше изслѣдованіе ихъ, а въ особенности отношеніе ихъ къ языку древне-церковно-славянскому (старославянскому), какъ древнѣйшему письменному свидѣтелю о словянской рѣчи, дало право изслѣдователямъ сдѣлать выводъ объ общемъ происхожденіи всѣхъ этихъ языковъ, изъ одного общаго языка-предка, называемаго нами „праславянскимъ“ (по нѣмецкой терминологіи „Urslavische Sprache“, по французской „Langue slave commune“). Можно думать, что такой „общеславянскій“ еще не распавшійся, лишь съ незначительными діалектическими варіаціями, языкъ слышался на небольшомъ пространствѣ гдѣ нибудь въ предѣлахъ нынѣшней западной Россіи приблизительно около 2000 лѣтъ тому назадъ.

Но не слѣдуетъ обольщаться мыслью, что общее происхожденіе народовъ: въ исторіи не мало примѣровъ воспріятія народами чужихъ языковъ, то побѣдителей, то побѣжденныхъ, вообще языковъ болѣе культурныхъ сосѣдей. Мы знаемъ, что древніе галлы приняли языкъ римскихъ колонистовъ, а романизованные галлы въ свою очередь передали свой романскій языкъ покорившимъ ихъ франкамъ германскаго племени, причемъ и воспринимающій народъ оставляетъ извѣстные слѣды своего прежняго языка то въ произношеніи, то въ формахъ, то въ словарѣ.

Въ славянскомъ мірѣ найболѣе яркій примѣръ такого воспріятія не-славянами славянскаго языка покореннаго ими и частью смѣшавшавшагося съ ними славянскаго населенія представляютъ болгары, по происхожденію тюрки, остатки которыхъ извѣстны въ русской исторіи

дотатарскаго періода по берегамъ Волги близь впаденія Камы. Восточные (русскіе) словяне путемъ колонизаціи распространили свой языкъ среди финскихъ инородцевъ, нѣкогда сплошными массами населявшихъ сѣверо-востокъ, а въ болѣе древнее время и центръ нынѣшней Европейской Россіи. Съ другой стороны масса словянскаго населенія онѣмечилась, принявъ нѣмецкій языкъ по нижнему теченію Лабы (Эльбы) и по берегамъ Балтійскаго моря, а также въ нынѣшней Хорутаніи (Каринтіи) и Стыріи (Штиріи), значительная часть омадьярилась въ Юго-западной Венгріи (древней Поллоніи IX вѣка). Однако, прививая свой языкъ словянамъ, и нѣмцы и особенно мадьяры (венгры) заимствовали не мало словъ словянскихъ. Тоже надо сказать и о румунахъ, потомкахъ римскихъ колонистовъ въ Дакіи и въ Македоніи. Возвращаясь къ вопросу о древнѣйшихъ судьбахъ русскаго языка и русскаго народа, мы прежде всего должны указать, что уже въ первые вѣка нашей эры началось распаденіе единаго славянскаго народа и праславянскаго языка. Минуя всѣ гадательныя *предположенія* акад. Шахматова о первой болѣе сѣверной — прибалтійской и второй привислинской прародинахъ славянъ, мы можемъ считать несомнѣннымъ, что въ VI вѣкѣ по Р. Хр. не только не было славянскаго единства, но что славяне уже успѣли осѣсть приблизительно въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ застаетъ ихъ исторія въ IX вѣкѣ, когда всѣ они уже выступаютъ подъ своими особыми именами. Названія отдѣльныхъ племенъ сохранены русской лѣтописью, дающей ясное свидѣтельство, что уже въ IX вѣкѣ было не одно, а нѣсколько русскихъ племенъ на довольно значительномъ пространствѣ: Поляне, Древляне или „Дерева", Дрегогичи, Кривичи, Словѣне, Радимичи, Вятичи, Дулѣбы, Бужане, Угличи и Тиверцы. Какъ бы ни были незначительны различія въ языкѣ этихъ племенъ, несомнѣнно, это на столь значительномъ пространствѣ, уже тогда существовало множество говоровъ, которые различались оттѣнками произношенія гласныхъ и согласныхъ (на сѣверѣ было смѣщеніе *щ* и *ч*, произношеніе *г*, какъ латинское *g*, (на югѣ рано произносилось *h*), но не эти различія обусловили позднѣйшее раздѣленіе русскаго языка на 3 или 4 нарѣчія. Можно сказать, что по XI столѣтіи существовалъ *единый* общерусскій праязыкъ съ незначительными діалектическими варіаціями.

Акад. А. А. Шахматовъ въ своемъ очеркѣ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка (Энциклопедія славянской филологіи — Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ — подъ редакціей ординарнаго академика И. В. Ягича. Выпускъ 11, г. СПБ. 1915 г. стр. 287 и сл.) заявляетъ: „Обращаясь къ явленіямъ древнѣйшаго періода, морфологическимъ, мы увидимъ, что мно-

гіе изъ нихъ относятся, несомнѣнно къ эпохѣ не ранѣе XII вѣка и между тѣмъ они объединяютъ всѣ русскія нарѣчія между собой. Слѣдовательно и въ XII вѣкѣ несмотря на рѣзко обозначавшіяся діалектическія отличія, русскій языкъ еще не утратилъ *единства*; исторія отдѣльныхъ *русскихъ нарѣчій* можетъ почитаться съ момета фактическаго распаденія русскихъ племенъ, слѣдовательно съ VIII и IX вѣка; но исторія русскаго языка, *какъ единаго цѣлаго*, не можетъ ограничиваться этими эпохами, она захватываетъ XI и XII вѣкъ; ибо какъ указано, и въ то время единство не было *порвано* окончательно, оно поддерживалось внутренней связью между расцѣпившимися частями". Далѣе опредѣляя общерусскій праязыкъ, акад. А. Шахматовъ говоритъ, что общерусскій праязыкъ — это тотъ языкъ, которымъ говорили предки Великоруссовъ, Бѣлоруссовъ, Малоруссовъ — въ то время, когда они, въ соотвѣтствіи съ тѣсной областью своихъ первоначальныхъ поселеній, составляютъ *одно этнографическое цѣлое.*

Въ настоящее время русскій живой языкъ дѣлится на нарѣчія великорусское, бѣлорусское и малорусское, (хотя названія эти простому русскому народу неизвѣстны и употребляются только образованными людьми — всюду знаютъ одно общее названіе — русскій), при чемъ въ средѣ великорусскаго нарѣчія, обнимающаго губерніи сѣверныя, въ бассейнахъ Великихъ Озеръ, сѣверной Двины, верхней Волги и Камы, губерніи центральныя въ бассейнахъ правыхъ притоковъ Волги и юговосточныя въ бассейнахъ Дона, средней и нижней Волги, а также въ Сибири, различаются поднарѣчія сѣверно-великорусское и южно-великорусское. Бѣлорусское нарѣчіе, обнимающее говоры губерній: Минской, Могилевской, Витебской, частью Виленской, Смоленской и Черниговской, отдѣляется отъ великорусскихъ переходными полосами въ южной части Псковской и Тверской губерній и юговосточныхъ у Смоленской, западныхъ Калужской и частью Орловской губерній.

Малорусское нарѣчіе, обнимающее губерніи Кіевскую, Полтавскую, Волынскую, Подольскую, и большую часть Харьковской, Екатеринославской и Херсонской, южные уѣзды Черниговской, Курской и Воронежской, область Кубанскую и часть Донской, части губерній Гродненской и Люблинской, восточную Галицію, многія мѣстности сѣверной и восточной Буковины (едва ли граничитъ р. Прутъ ?).

Самыя названія „великая", „малая" и „бѣлая", какъ и „черная" („nigra"), и „червоная" („чивра") Русь (напомнимъ, что пришедшее изъ Скандинавіи черезъ финовъ имя Русь (Ruotsi) въ древности (до XII вѣка) пріурочено было только въ южной Кіевской *области*) не ранѣе XIV стотѣтія и имѣли первоначально чисто географическое значеніе

при чемъ *„Малая Русь“*, ограниченное значеніе *Галицко-Волынской* земли. Замѣтимъ, что очень рано (въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1187 годомъ) встрѣчается и названіе Украина: о смерти переяславскаго князя Володимира Глѣбовича сказано, что — „о немъ оукраина много постона“, — но это названіе имѣло значеніе лишь пограничной съ областью степныхъ кочевниковъ мѣстности. Такое было древнее Переяславское княжество, колонизованное, вѣроятно, сѣверянами, а позднѣе назывались „оукраны“ московскаго государства въ нынѣшней Курской и Воронежской губерніяхъ, которыя отодвигались на югъ по мѣрѣ продвиженія сторожевыхъ укрѣпленій для защиты отъ нападенія кочевниковъ. Хотя и названіе „Малорусскій“ въ смыслѣ общаго термина для всей области и распространенія этого языка неточно, но перенесеніе его въ болѣе восточныя мѣстности лѣвобережной подднѣпровской области по крайней мѣрѣ въ XVII вѣкѣ (въ московскихъ грамотахъ) оправдываетъ это употребленіе въ качествѣ научнаго термина. Что же касается термина „Украинскій“, то его можно считать примѣнимымъ лишь въ области *южномалорусскаго поднарѣчія*, и распространеніе его до степени общаго объясняется лишь: 1) тѣмъ, что южное поднарѣчіе раньше получило художественную литературную обработку въ произведеніяхъ *полтавца* Котляревскаго, *харьковца* Квитки-Основяненко, уроженца южной части Кіевской губерніи, талантливаго поэта Шевченка и другихъ, 2) тѣмъ, что съ 1960 годовъ въ Галиціи рядомъ со *старорусскимъ* направленіемъ началось движеніе такъ называемыхъ „народовцевъ“, стремившееся пересадить „украинскую литературу“ съ ея новымъ фонетическимъ правописаніемъ Кулиша, — въ Галицію, 3) поддержкой этого движенія со стороны *австрійскаго правительства*, опасавшагося развитія русскаго самосознанія у *галицкихъ* малоросовъ, въ прошломъ столѣтіи называвшихъ себя только „руськими“, а языкъ свой „руськимъ“ (это видимъ не только у поборника принятія русскаго литературнаго языка, придерживавшагося этимологическаго правописанія даже при изданіи народныхъ пѣсенъ Я. Ѳ. Головацкаго, но и у приверженцевъ идеи созданія литературы на чисто народномъ языкѣ, какъ филологъ М. Огоновскій, какъ авторъ художественныхъ повѣстей изъ быта русскаго православнаго населенія Карпатскихъ горъ — *Осипъ Федьковичъ**). Только въ XX столѣтіи галицкая „народная“ пар-

---

*) Исторія еще разберется въ преступныхъ дѣяніяхъ „украинскихъ научныхъ и политическихъ дѣятелей“ во время міровой войны на территоріи Австро-Венгріи и Германіи. Она уже открыла на страницахъ нѣкоторыхъ историческихъ изданій нашего времени, какъ напр. въ книгахъ П. Н. Милюкова, Лемке и др.) измѣнческую и предательскую работу въ названныхъ государствахъ. Такъ, кому неизвѣстна дѣятельность Ев. Левицкаго въ Берлинѣ и Симовича Вас. въ лагеряхъ военноплѣнныхъ. Исторія вынесетъ свой жестокій приговоръ этимъ лицамъ. Кому не памятны

тія откидываетъ старое, именно въ простомъ галицкомъ крестьянствѣ *популярное* имя „руській" и „русскій" и замѣняетъ его сначала въ видѣ *прибавки* къ нему впереди ставившимся, а потомъ совершенно его вытѣснившимъ именемъ *„украинскій"*. Но *прикрываясь* традиціями имени поэта Шевченко, львовское ученое украинское „товарищество" *совершенно не слѣдуетъ въ созданіи своего научнаго языка традиціямъ славнаго украинскаго поэта*, писавшаго непосредственнымъ живымъ языкомъ крестьянства приднѣпровскаго края *безъ тенденціознаго желанія отдалить его отъ русскаго* литературнаго языка, а также и примѣру такихъ талантливыхъ самородковъ, какъ буковинскій гуцулъ Осипъ Юрій Федьковичъ. (Его образная поэтическая рѣчь, близкая къ народной рѣчи Малороссіи*), отличается, однако, кое-чѣмъ отъ послѣдней въ формахъ и словарѣ, но не въ смыслѣ отдѣленія отъ древнерусскаго источника, а въ смыслѣ *приближенія къ нему*; въ образномъ языкѣ Федьковича мы встрѣчаемъ обороты, свойственные древнерусскимъ лѣтописямъ, паприм. частое употребленіе родительнаго падежа („одного вечора", — одной днины, — львов. изд. 1912, 11, 87, 95).

Прага, 1923.

(Продолженіе слѣдуетъ)

рѣчи Е. Левицкаго въ Берлинѣ въ 1915 году. (См. книгу М. Лемке „250 дней въ царской ставкѣ". Петербургъ, 1920, Гос. Изд.).

Достоевскій останавливается надъ возмутительнымъ случаемъ, когда въ Австріи арестовали нашего историка *Иловайскаго*, изслѣдовавшаго древности въ Русской Галиціи, а петроградскіе педагоги склонны были оправдывать этихъ политическихъ инквизиторовъ и *„обвинять"* кабинетнаго ученаго въ русской пропагандѣ (21.—335 словарь къ твореніямъ Достоевскаго преосвящ. Антонія митрополита Кіевскаго и Галицкаго, стр. 99, Софія 1921 года).

*) Русская цивилизація прежде всего значитъ *русская государственность*, прочно обоснованная, безразлично, будетъ ли она федеративной или централистической. У проф. Грушевскаго въ его популярномъ очеркѣ „Исторія Украины" вырвалась фраза: — во времена Святослава *„украинцы назвались Русью"*. Конечно Русью, а чѣмъ же еще другимъ они могли назваться? Ярко сказывается въ этой фразѣ вся запутанность, неискренность, сфабрикованность въ Мюнхенѣ и Вѣнѣ утопическихъ принциповъ, по которымъ существованіе на южной окраинѣ Россіи, немного отдѣльнаго языка можетъ мѣшать единству русской государственности. Единство государственности же опредѣляется и другими составными частями русской цивилизаціи: русскими общественными идеями, русскимъ художествомъ, русской наукой, русской промышленностью". (Le Messager du Comité National Russe, Вѣстникъ Русскаго Національнаго Комитета № 5. Парижъ).

Критика и библіографія.

В. Р. Ваврикъ: „Красная горка“. Третій сборникъ стихотвореній (30 ст. 1923. Изд. „Живое Слово“, Львовъ).

Имя молодого галицко-русскаго поэта В. Р. Ваврика встрѣчается въ печати довольно часто, а это само по себѣ является уже хорошимъ признакомъ, потому что русскимъ да еще галичанамъ проникнуть въ печать было трудно. (Дай-то Богъ, чтобы это былъ уже анохранизмъ).

Ну, а вотъ г. Ваврикъ печатается. Ему не могли отказать, потому что его стихи хороши. По прочтеніи ихъ, въ душѣ остается пріятное и радостное чувство. Но особенно хороши его стихи патріотическаго характера („За Русь“). Однако, стихи изъ „Красной горки“ цѣнны не лишь за патріотизмъ, но они сильны и своей художественной законченностью. („Наша судьба“, „Нашъ край“, „Красная горка“, „Свиданіе“, „Лѣсъ“, „Рыбаки“, „Видѣніе“), а это говоритъ о томъ, что молодому поэту открыты двери и въ хорошее будущее. **К. Д—тъ.**

Новыя книги.

„Исторія Подкарпатской Руси“ для народа, о. И. М. Кондратовичъ (ук. пр.), Ужгородъ, Изд. „Просвѣта“.

„Краткая исторія Чехословакіи“, составили А. В. Поповъ и В. Н. Феделешъ. Мукачево, изд. составителей.

„Русская армія на чужбинѣ“, В. У. Даватцъ и Н. Н. Львовъ, Бѣлградъ, „Русск. изд.“.

„Древній вѣкъ“, переводъ съ чешскаго В. И. Феделешъ.

„Господарска читанка“, изд. инж. А. Сѣдлачекъ.

Отвѣтственный редакторъ: **А. В. Поповъ.**

Издатель: **Общ. им. А. В. Духновича** въ Ужгородѣ.

Адресъ редакціи и администраціи: **Мукачево, улица Духновича, 94.**

Подписная цѣна на годъ: 60 кч., въ Америкѣ 3 дол. 20 цент.

Критика о нашемъ журналѣ.

Первая и хорошая критика о нашемъ журналѣ появилась въ чешской газетѣ „Narodní Politika“.

Вторую критику, которую тутъ и приводимъ цѣликомъ, напечатала американская газета „Правда“ (89). Сію критику перебрала американская же газета „День“, а у насъ „Карпаторусскій Вѣстникъ“. Кромѣ этихъ газетъ, заграницей отозвалась хорошо критика въ газетѣ „Новое время“ въ Югославіи. Очень хорошій отзывъ дала нашему журналу самая распространенная чешская газета „Narodní Listy“ 5.—I. 1924. н-ръ, 5, гдѣ пишетъ:

„Карпатскій Край“. Подъ этимъ названіемъ въ Мукачевѣ началъ выходить литературно-историческій журналъ подъ вышеприведеннымъ названіемъ, два первыхъ номера котораго (вышли два — за октябрь, ноябрь) стараются добросовѣстно исполнить свою программу, напечатанную въ 1. н-рѣ: группа русскихъ литераторовъ, ученыхъ и общественныхъ дѣятелей Подкарпатской Руси пришла къ тому заключенію, что политическихъ, религіозныхъ, національно-языковыхъ и другихъ споровъ было довольно, поэтому хочетъ работать позитивно: Сосредоточить вокругъ себя культурныя силы къ общей просвѣтительной работѣ, стремится знакомить читателей съ исторіей Карпатской Руси и Закарпатской Руси, вводить молодую генерацію въ историческую и литературную работу, воспитывать молодую интеллигенцію.

Журналъ издаетъ „Русское Касино“ въ Мукачевѣ, отвѣтствен. редакторъ А. В. Поповъ (Въ годъ 12 н-ровъ за 60 Кч.).

Содержаніе первыхъ двухъ номеровъ указываетъ на то, что журналъ думаетъ самое большее вниманіе обращать на исторію литературы Подк. Руси и ея систематическое шлифованіе. Въ первомъ номерѣ хороша студія о карпаторусскомъ поэтѣ *Юліи Ивановичѣ Ставровскомъ-Попрадовѣ* 1850—1899) родившагося въ Спишской жупѣ и который, несмотря на то, что мать его была венгерка, а самъ былъ воспитанъ въ Будапештѣ (на богословскомъ факультетѣ) отвернулся отъ блестящей карьеры, которая ожидала бы измѣнника, воротился въ родныя горы, прильнулъ къ карпатскому сельскому люду и какъ поэтъ-философъ и борецъ за права народа оставилъ послѣ себя свѣтлую память о блестяще образованномъ и чуткомъ художникѣ.

Въ обоихъ номерахъ печатаетъ д-ръ *Димитрій Марковъ* очень интересныя личныя воспоминанія о славномъ карпаторусскомъ будителѣ *А. И. Добрянскомъ*, современникѣ нашего Палацкаго и Ригера, словака Л. Штураи Яна Гурбана. Адольфъ Добрянскій (1817—1901), ко-

торый въ бурномъ 1848 г. долженъ былъ убѣжать изъ Венгріи и возвратился сюда съ русскими войсками, которыя помогали австрійскому императору спасти Венгрію и усмирить мадьяръ, и пробудилъ политическую и культурную жизнь въ „Угорской Руси“, а Ужгородъ сдѣлалъ центромъ этой жизни. Д-ръ Марковъ познакомился съ нимъ къ концу его богатой и трогательной жизни въ Инсбрукѣ, гдѣ достойный уваженія старецъ доживалъ свой вѣкъ среди славянскаго студенчества тамошняго университета — сербовъ, хорватовъ, словинцевъ, чеховъ, словаковъ и др. Д. А. Марковъ, тогда еще молодой студентъ, познакомился и сблизился со старымъ бывшимъ когда то главнымъ жупаномъ „Угорской Руси“, посломъ въ венгерскомъ парламентѣ, потомъ совѣтникомъ двора на пенсіи, но твердымъ славяниномъ и русскимъ патріотомъ до смерти, на ежедневныхъ прогулкахъ въ горы Инсбрука (хотя и былъ уже 80 лѣтъ!) и можетъ хорошо разсказывать о его частной жизни, о семейномъ кругѣ и обществѣ, которое собиралось въ домѣ Добрянскаго, о его взглядахъ политическихъ, литературныхъ. (Напр. о его сильномъ отрицаніи религіозно-философскихъ взглядовъ Льва Толстого, противъ котораго издалъ въ Петроградѣ рѣдкую брошюру, о его корреспонденціяхъ съ д-ромъ Браунеромъ и Грегромъ, съ моравскимъ инж. Вурмомъ, съ многочисленными дѣятелями югославянскими, съ королевскимъ совѣтникомъ Главачкомъ, управляющимъ государственными имѣніями въ Инсбрукѣ, о посѣщеніяхъ изъ Петрограда: проф. Ламанскаго, Петрова и др. ученыхъ, а также о посѣщеніи его графомъ Игнатьевымъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ и когда то всемогущаго К. П. Побѣдоносцева). Изъ воспоминаній д-ра Маркова выростаетъ хорошій и цѣлый портретъ этого выдающагося славянофильскаго политика, изъ труда котораго, хотя и великаго, осталось очень мало.

Изъ другого н-ра надо отмѣтить и некрологъ проф. *Д. Н. Вергуна:* **Памяти Н. Н. Ястребова** (1868—1923): съ горькимъ, но заслуженнымъ упрекомъ, который въ „Č. Č. H.“ сдѣлалъ уже передъ нимъ проф. Камилъ Крофта, вѣнскій посланникъ: его смерть большинство чешскихъ газетъ обошла молчаніемъ. Ястребовъ былъ еще задолго до войны и во время войны однимъ изъ искреннихъ и вѣрныхъ пріятелей между русскими. Былъ однимъ изъ наилучшихъ историковъ времени Гуса и чешскихъ братьевъ. Во время войны, 1916 года при Штюрмерѣ имѣлъ столько смѣлости, что выступилъ съ требованіемъ, чтобы это правительство предложило каѳедру соціологіи Ѳ. Г. Масарику — тогда политическому эксуланту. А когда въ 1919 году самъ эмигрантъ, пришелъ въ Прагу, то среди профессоровъ въ Прагѣ противъ назначенія его въ пражскій Карловъ университетъ, раздались протестующіе голоса, посылая его въ Брно. И тянулось довольно

долго, пока непріязнь была хоть отчасти сломлена. Д-ръ Вергунъ дополняетъ обзоръ дѣятельности и значеніе проф. Ястребова перечнемъ его научныхъ работъ въ теченіи войны и послѣ у насъ въ Прагѣ, гдѣ положилъ основаніе и къ русскому юридическому факультету и педагогическому институту.

Литературная часть „Карпаскаго Края“ до сихъ поръ носитъ печать провинціальный.“ **Ч.**

„*Карпато-Русскій Вѣстникъ*“ 16. декабря 1923. пишетъ: **„Карпатскій Край“.** Въ американской газетѣ „Правда“ въ 89 н-рѣ редакторъ названной газеты д-ръ С. С. Пыжъ помѣстилъ о нашемъ новомъ литературно-историческомъ журналѣ „Карпатскій Край“ весьма прекрасный отзывъ. Такъ какъ „Карпатскій Край“ служитъ чисто культурнымъ народопросвѣтительнымъ интересамъ Карпатской Руси, то мы и перепечатываемъ названную статью изъ „Правды“ съ тѣмъ, что читатели „Карп.-Рус. Вѣстника“, главно учительство и духовенство — примутъ къ сердцу сію критику и немедленно выпишутъ журналъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ отведено нашимъ будителямъ изъ духовенства — очень почетное мѣсто. До сихъ поръ было напечатано о священ. Ю. И. Ставровскомъ, съ 3 н-ра начинается печататься очень интересная автобіографія о. Ивана А. Сильвая“. Религіозныхъ вопросовъ журналъ не затрагиваетъ. Поэтому поддержите идеальное начинаніе мукачевскихъ. Журналъ печатается на русскомъ литературномъ языкѣ, но принимаются статьи и на карпаторусскомъ нарѣчіи. До сего времени вышли 1—2, (3—4) н-ръ находится въ печати. Критика есть слѣдующей: „Появился въ свѣтъ первый номеръ, дѣйствительно перваго правдиваго литературно-историческаго журнала въ Карпатской Руси. Первый номеръ производитъ *прекрасное* впечатлѣніе. Книжечка небольшого формата въ 40 страницъ. Въ передовой статьѣ „Наша программа и наша цѣль“ говорится, что „Карпатскій Край“ былъ призванъ къ жизни, чтобы удовлетворить назрѣвшую среди сознательной русской среды въ Карпатской Руси потребность въ русскомъ литературномъ словѣ. Журналъ будетъ стремиться „къ національному пробужденію Карпатской Руси, чтобы она какъ можно глубже почувствовала свою внутреннюю связь съ русской культурой и русской литературой“. Въ первомъ номерѣ находится статья К. Брешковской т. з. „Творчество“, въ которой эта извѣстная дѣятельница, положившая громадныя заслуги на полѣ просвѣщенія карпаторусскаго народа, выясняетъ великое значеніе культурной, а особенно литературной работы и выражаетъ радость по поводу появленія перваго литературнаго русскаго журнала въ Карпатской Руси. Дальше слѣдуютъ три стихотворенія Д. Н. Вергуна: „Карпатскій Руснакъ“ (посвящено Антону Гр. Бескиду), „Кличь русскимъ вѣчамъ“ и краткое шестистишіе „Вздохъ

русскаго странника“. Но самыми цѣнными статьями перваго номера „Карпатскаго Края“ являются А. В—ва „Юлій Ивановичъ Ставровскій-Попрадовъ“ біографическій очеркъ и характеристика поэтической дѣятельности этого найболѣе замѣчательнаго карпаторусскаго писателя II. половины прошлаго столѣтія и д-ра Д. Маркова „Адольфъ Ивановичъ Добрянскій“ (изъ личныхъ воспоминаній). Д-ръ Марковъ зналъ лично Добрянскаго, съ которымъ сошелся очень близко въ бытность свою въ Инсбрукѣ въ качествѣ студента тамошняго университета, и въ своихъ воспоминаніяхъ даетъ новый интересный матеріалъ о частной жизни этого великаго карпаторусскаго дѣятеля. Въ статьѣ кромѣ того много интереснаго историческаго матеріала. Воспоминанія д-ра Маркова являются цѣннымъ вкладомъ въ изученіе и освѣтленіе дѣятельности Адольфа Добрянскаго. Въ первомъ номерѣ „Карпатскаго Края“ находится еще прекрасное стихотвореніе Ставровскаго-Попрадова „Зимній Вечеръ“ и разсказъ современнаго карпаторусскаго писателя А. В. Попова „Къ солнцу“. Мы поздравляемъ отъ сердца редакцію „Карпатскаго Края“ съ выпускомъ перваго номера прекраснаго журнала, *который смѣло можетъ идти въ сравненіе съ найлучшими періодическими изданіями этого рода.* Всѣмъ читателямъ „Правды“ рекомендуемъ горячо этотъ журналъ. Подписная цѣна на годъ для Америки: 3 дол. и 20 центовъ. Журналъ выходитъ ежемѣсячно. Адресъ редакціи и администраціи: Мукачево ул. Духновича ч. 94.

„Новое Время“ н-ръ 810. 4—I. 1924. **„Карпатскій Край“.** Съ большимъ изумленіемъ неожиданно узнаешь, что существуютъ еще мѣста, гдѣ слово „русскій“ произносится не только съ должнымъ уваженіемъ, но даже съ гордостью.

Въ Карпатской Руси, гдѣ то въ затерянномъ среди Бескидъ Мукачевѣ, издается ежемѣсячный журналъ „Карпатскій Край“. Журналъ маленькій, всего 32 страницы, форматъ тоже скромный и, судя по второму номеру, богатствомъ содержанія похвастать не можетъ. Изданіе этого маленькаго журнала представляетъ несомнѣнный интересъ, какъ показательное явленіе пробуждающагося національнаго сознанія карпаторуссовъ. Журналъ издается на литературномъ русскомъ языкѣ, видя въ немъ правильный путь къ поднятію и совершенствованію мѣстнаго нарѣчія. И еще болѣе смѣшными и наивными кажутся тщетныя попытки нашихъ доморощенныхъ самостійниковъ создать „собственный“, непохожій на русскій, языкъ.

Въ журналѣ русская литература представлена разсказомъ Льва Толстого „Три старца“ и стихотвореніемъ В. Волошина „На днѣ преисподней“. Остальной матеріалъ мѣстнаго производства и, конечно, не можетъ идти въ сравненіе съ русскими классиками.

Въ журналѣ находимъ стихи и извѣстнаго д-ра Д. Н. Вергуна. Появленіе русскаго журнала, исполненнаго любовью къ русскому языку, можно только привѣтствовать. **Н. Ры—скій.**

Приводимъ очень хорошій отзывъ въ демократ. газ. „*Руль*", 3-го февраля 1924 г. н-ръ 962. **„Карпатскій Край".** *Литерптурно-историческій журналъ.* Н-ра 1, 2. Мукачево. 1923. г. Русскимъ людямъ разныхъ партій надо было пережить всѣ муки изгнанія и скитальчества безъ родины, чтобы научиться цѣнить чувства патріотизма. Трудно и предположить, чтобы 20 лѣтъ тому назадъ національно-русскій журналъ, въ которомъ съ горячимъ чувствомъ говорится о Добрянскомъ или А. Г. Бескидѣ, въ которомъ помѣщаетъ свои патріотическіе стихи Д. Н. Вергунъ, могъ одновременно напечатать и статью К. Брешковской, тепло привѣтствующей починъ редактора А. В. Попова.

Въ настоящее время это стало возможно, и въ выходящемъ въ Чехословацкой республикѣ въ г. Мукачевѣ журналѣ „Карпатскій Край", два номера котораго передъ нами, читатель найдетъ указанное нами сочетаніе именъ. Объединила ихъ любовь къ русскому языку, къ русской культурѣ, живое ощущеніе племенной и культурной близости. Нѣсколько сотъ тысячъ русскихъ людей, живущихъ въ Прикарпатской Руси, говорятъ на русскомъ говорѣ, имѣющемъ свои мѣстныя значительныя особенности. Ихъ интеллигенція однако понимаетъ, что кромѣ многочисленныхъ русскихъ говоровъ существуетъ и единый русскій литературный языкъ, созданный представителями всѣхъ вѣтвей русскаго племени. Карпаторусская интеллигенція желаетъ, чтобы ея народъ былъ также пріобщенъ къ этому общерусскому литературному языку, Освобожденная отъ венгерскаго насилія, пользуясь свободой предоставленной Чехословацкой республикой, карпаторусская интеллигенція бодро борется за свое національное дѣло. Русскіе люди безъ различія партій могутъ, конечно, только привѣтствовать его.

Въ вышедшихъ въ октябрѣ и ноябрѣ двухъ книжкахъ журнала читатель найдетъ интересный и трогательный матеріалъ, свидѣтельствующій, какъ самоотверженно хранитъ и хранила свою національность небольшая русская вѣтвь, искони живущая у Карпатскихъ горъ. Эти люди защищали свой языкъ, страдали за него, создавали свою литературу, своихъ поэтовъ (Ставровскій-Попрадовъ), которые все время, какъ къ солнцу, тянулись къ великой русской литературѣ.

А. И."

„Идеалъ-Пудра“ КЕЛЕТЕЯ — „Ideal-Puder“ KELETI

наилучшая, безвредная пудра. Теперь уже совершенно излишня заграничная пудра, какъ излишни всѣ мѣстные и заграничные косметическіе товары, если Вы можете дешевую, гигіеничную пудру и другія косметическія средства получить только въ аптекарскомъ магазинѣ

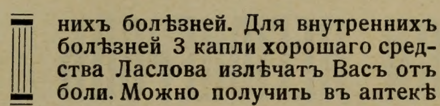
ЭДА КЕЛЕТЕЯ

въ МУКАЧЕВѢ

противъ русск. церкви.

КАПЛИ ЛАСЛОВА

незамѣнимое универсаль. средство противъ ревматизма, ломоты въ костяхъ, противъ боли зубовъ, горла и вообще противъ внѣш-

нихъ болѣзней. Для внутреннихъ болѣзней 3 капли хорошаго средства Ласлова излѣчатъ Васъ отъ боли. Можно получить въ аптекѣ

АДАЛЬБЕРТА ЛАСЛО

МУКАЧЕВО, ДУХНОВИЧЕВА УЛ. № 13.

Наиполезнѣйшій подарокъ на Рождество и Новый Годъ

машина для шитья, которую можете купить у меня на очень выгодн. условіяхъ. Имѣю постоянно на складѣ всякаго рода машины, велосипеды, иголки, олей и пр

ГЕЗА ШЕНФЕЛЬДЪ

МУКАЧЕВО, ул. РАКОЦІЯ Н-ръ 3.

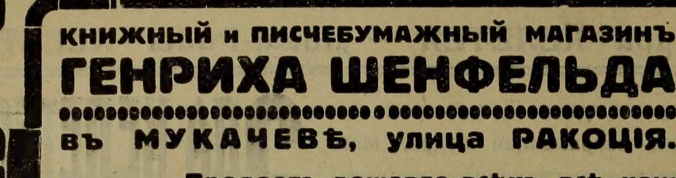
Кромѣ того принимаетъ всякаго рода починку машинъ и велосипедовъ ПО ДЕШЕВЫМЪ ЦѢНАМЪ. ИМѢЕТСЯ СОБСТВЕННАЯ МАСТЕРСКАЯ.

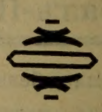
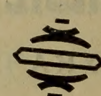
МУКАЧЕВО

Наилучшія фотографическія снимки дѣлаетъ художественная фотографія

ЛОКЕРТА

возлѣ гор. дома

Продаетъ дешевле всѣхъ всѣ канцелярскія принадлежности, книги, тетради, перья, карандаши и т. д. — Приходите, посмотрите и убѣдитесь въ правдивости сказаннаго.

Съ почт.: ГЕНРИХЪ ШЕНФЕЛЬДЪ.

ДРУЖЕСТВО

ЧСЛ. ЛЕГІОНЕРОВЪ

въ МУКАЧЕВѢ,
МАСАРИКОВА ул. № 18.

Самую выгодную, самую дешевую покупку мужскихъ костюмовъ, рагслановъ, резиновыхъ плащей, мужской, женской и дѣтской обуви, мужского и женскаго бѣлья, разныхъ кожаныхъ товаровъ, какъ чемоданы, кошельки, сумочки и такъ дальше Вы можете сдѣлать только въ ДРУЖЕСТВѢ ЧЕХОСЛ. ЛЕГІОНЕРОВЪ

въ МУКАЧЕВѢ, Масарикова ул. 18.

Русскій Консумъ въ Мукачевѣ

подъ веденіемъ госпожи Изабеллы Ґулович

симъ приглашаетъ
всѣхъ истиннорусскихъ
людей закупать все необходи-
моедлядома: сахаръ, чай, кофе, масло
сало, саламы, муку, крупу, рисъ,
горохъ, чересъ, перецъ
и т. д. только

въ единственной русской лавкѣ въ МУКАЧЕВѢ, улица ВЛАДЫКОВА, противъ русской церкви,

РУССКІЙ НАРОДНЫЙ БАНКЪ

въ УЖГОРОДѢ, Казинцы улица 5.

Принимаетъ **вклады на проценты**: на сберегательныя книжечки, на текущій счетъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ; — отъ американскихъ вкладовъ платитъ $5\frac{1}{2}$ и 6 проц. — мѣняетъ **доллары** и другія иностранныя деньги, выплачиваетъ американскіе **чеки**, пересылаетъ **деньги за границу**; спеціальность: переводы въ Россію, въ Галичину и Польшу, — учреждаетъ и финансируетъ кооперативныя дружества и другія предпріятія, производитъ всѣ другія банковыя операціи.

Каждый русскій человѣкъ долженъ быть акціонеромъ

РУССКАГО НАРОДНАГО БАНКА.

Одна акція номинально стоитъ . . . . . . Кч. 500.—
а вмѣстѣ съ законными добавками . . . . Кч. 535·—

ОТДѢЛЕНІЯ: въ МУКАЧЕВѢ, Церковная ул. 5.
въ ПРЯШЕВѢ, Масарикова ул. 26.

КООПЕРАТИВНЫЙ БАНКЪ

ДРУЖЕСТВО „САМОПОМОЩЬ“

УЖГОРОДЪ, Казинци ул. 5.

Принимаемъ **сберегательные вклады**, даемъ **ссуды** (позычки), улаживаемъ размѣнъ **долларовъ**.

ВАЖНО ДЛЯ АМЕРИКИ!

Купуемъ для американцевъ землю, **домы, винницы и газдовства**, улаживаемъ для американцевъ ихъ **процессы** въ таромъ краю, даемъ всѣ **информаціи** и улаживаемъ для Америки всѣ дѣла въ старомъ краю (наслѣдства и пр.)

Адресъ: Družestvo „Samopomošč“, Užhorod
Carpathorussia, Czechoslovakia.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЪ КАРП. РУСИ
ЛИТЕРАТ.-ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

КАРПАТСКІЙ КРАЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМѢСЯЧНО
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ 60·— КЧ.
ДЛЯ АМЕРИКИ 3 ДОЛЛАРА 20 ЦЕНТОВЪ.
ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НОМЕРА 5·— КЧ.
ИЗДАТЕЛЬ: „О-во им. ДУХНОВИЧА" ВЪ УЖГОРОДѢ.
ОТВѢТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОРЪ А. В. ПОПОВЪ.
МУКАЧЕВО, ДУХНОВИЧЕВА 94. КАРПАТСКАЯ РУСЬ.

Книги свѣтскія и церковныя, газеты, всякаго рода формуляры, нотарскіе бланки, плакаты, приглашенія, визитки и проч., и проч.

ПЕЧАТАЕТЪ НА ВСѢХЪ ЯЗЫКАХЪ СКОРО, ИЗЯЩНО, ДЕШЕВО

Типографія Школьной Помощи

въ УЖГОРОДѢ, Радванская улица № 47.

Дѣлаетъ переводы на всѣ употребляемые въ Карп. Руси языки.

На складѣ: нотарскіе бланки, книги собствен. и чужихъ изданій.